

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Филологический факультет
Кафедра немецкой филологии**

Исаакова Ольга Андреевна

Интертекстуальные особенности немецких научных текстов 18 в.

(на материале произведений И. К. Готшеда)

Выпускная квалификационная работа бакалавра

Направление: 035700 Лингвистика

Основная образовательная программа: Иностранные языки

Профиль: Немецкий язык

Научный руководитель:

Д. ф. н., профессор

Константин Анатольевич Филиппов

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Интертекстуальные особенности немецких научных текстов XVIII в.	1
(на материале произведений И. К. Готшеда)	1
<i>Введение</i>	4
<i>Глава 1. Категория интертекстуальности</i>	8
<i>1.1. Понятие интертекстуальности. Различные подходы</i>	8
<i>1.2. Виды межтекстовых связей</i>	18
<i>1.2.1. Цитата</i>	21
<i>1.2.2. Ссылки</i>	24
<i>1.2.3. Косвенная речь</i>	26
<i>1.2.4. Аллюзия</i>	27
<i>1.2.5. Плагиат</i>	28
<i>1.3. Функции межтекстовых связей</i>	30
<i>1.4. Проблемы, связанные с понятием «интертекстуальность»</i>	32
<i>Выводы к главе 1</i>	34
<i>Глава 2. Научный дискурс</i>	36
<i>2.1. Научный стиль</i>	36
<i>2.2. Научный дискурс</i>	41
<i>2.3. Особенности немецкого научного дискурса XVIII века</i>	45
<i>Выводы к главе 2</i>	50
<i>Глава 3: Анализ межтекстовых связей в трактате И. К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst»</i>	52
<i>3.1. Автор как главный компонент интертекстуальной ситуации</i>	52
<i>3.1.1. Правописание</i>	53
<i>3.1.2. Семантика</i>	56
<i>3.1.3. Построение речи</i>	62
<i>3.1.4. Просодика</i>	66
<i>3.2. Текст как объект интертекстуального включения</i>	70
<i>3.2.1. Семантика</i>	70
<i>3.2.2. Словосочетания</i>	71
<i>3.2.3. Просодика</i>	81
<i>3.3. Адресат, как реципиент интертекстуального воздействия</i>	85
<i>3.3.1. Семантика</i>	85

3.3.2. Словосочетания.....	88
3.4. Опыт исследования одного интертекстуального фрагмента.....	93
Выводы к главе 3.....	96
Заключение.....	98
Список использованной литературы:.....	100

Введение

С конца шестидесятых годов XX в. интертекстуальность стала трактоваться как одна из важнейших текстообразующих категорий. В науку пришло понимание, что каждое текстовое произведение непременно содержит в себе другие тексты. С теорией интертекстуальности в лингвистике текста появилась идея о совершенно новом варианте прочтения, восприятия и интерпретации произведений. Возникли вопросы,

касающиеся того, с какой целью автор осуществляет заимствования из других текстов, каковы способы реализации интертекста в новом произведении, и, кроме того, в какой мере реципиент способен распознать и понять тот или иной интертекстуальный фрагмент. Особый интерес также представляет проблема, затрагивающая определение границ интертекстуальности. Ведь если мы расширим границы межтекстовой связи и будем считать любую реминисценцию интертекстом, мы лишим интертекстуальность её специфики.

В связи со стремительным развитием науки в наше время большое значение приобретает вопрос, связанный с вербализацией научных знаний. Участниками научной коммуникации являются ученые, студенты, для которых получение новой информации представляет собой важнейшую сферу деятельности. В науке может существовать множество точек зрения, и все они имеют право на существование. Данный факт приводит к тому, что исследователи начинают анализировать другие научные труды, выражать критическое отношение к чужому мнению. Для современного научного дискурса характерны определенные правила, предписывающие то, как следует оценивать работы своих коллег, каким образом вводить в свой текст интертекстуальные элементы.

В этой связи особый интерес представляют специальные тексты эпохи Просвещения, когда закладывались основы современного научного дискурса. Таким образцовым текстом можно назвать грамматику И. К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» (1748) – В данном случае мы имеем дело с произведением одного из крупнейших представителей немецкого Просвещения, деятельность которого была посвящена упорядочению грамматики немецкого языка, реформированию национального театра, борьбе с традициями эпохи Барокко, в то время прочно закрепившихся в литературе и на сцене. Мироззрению И. К. Готшеда был присущ рационалистический характер, большое значение немецкий писатель придавал поучительности, что не могло не отразиться на

стиле написания его научного труда. При анализе особенностей межтекстовых связей мы будем учитывать также социокультурные характеристики эпохи, в которую жил И.К. Готшед.

Актуальность исследования состоит в том, что понятие интертекста остается одним из наиболее занимательных и спорных вопросов современного языкознания. Исследование этого вопроса также приобретает сегодня особое значение в связи с той важной ролью, которую проблема правильной интерпретации научных текстов играет в современном обществе. Исследование грамматики И.К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» позволяет описать механизмы интертекстуальности на стадии становления немецкого научного дискурса XVIII в. и выявить истоки современных тенденций в изучении межтекстовых связей в гуманитарной сфере.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что впервые предпринимается попытка рассмотрения межтекстовой связи как одного из текстообразующих факторов в немецкоязычном научном произведении XVIII в. До настоящего времени интертекстуальность изучалась в основном на материале художественных текстов, а также на материале современных научных статей.

Объектом исследования является грамматика И.К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst», считающаяся одним из наиболее значительных гуманитарных трудов в Германии XVIII в.

Предметом исследования выступают многочисленные интертекстуальные включения, выполняющие разнообразные функции в данном тексте.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать особенности межтекстовой связи в одном из ярких представителей немецкого научного дискурса XVIII в. Оформление интертекстуальных фрагментов в сочинении И.К. Готшеда, использование метаязыка при введении в текст межтекстовых заимствований, функции интертекста

обнаруживают существенные различия с особенностями межтекстового взаимодействия в современном научном дискурсе.

Для выполнения данных целей были поставлены следующие **задачи**:

- Определить функции интертекстуальности в грамматике И. К. Готшеда;
- Описать способы и средства выражения межтекстовой связи;
- Выявить основные особенности способов интертекстуального заимствования в научном дискурсе XVIII в.;
- Проанализировать возможное восприятие интертекста читателем трактата

Материалом исследования является произведение И. К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst», посвященное изложению правил грамматики немецкого языка. Ход исследования иллюстрируется 65 текстовыми фрагментами.

В работе были использованы следующие **методы**:

- Целенаправленной выборки, подразумевающий отбор интертекстуальных элементов, необходимых для иллюстрации представленных в теоретическом разделе классификаций и наглядно показывающих характерные черты межтекстового взаимодействия в трактатах И. К. Готшеда;
- Дискурсивный метод, посредством которого анализируются смысловые отношения между предтекстом и новым текстовым произведением;

- Лингвокультурологический анализ позволяет установить включенность научного языка Готшеда в контекст немецкой эпохи Просвещения

Теоретической и методологической базой исследования являются труды отечественных и зарубежных авторов, которые рассматривали проблемы интертекстуальности и научного дискурса: М. М. Бахтин, И. В. Арнольд, В. П. Москвин, Н. А. Кузьмина, В. Е. Чернявская, У. Бройх, М. Пфистер, Ю. Кристева, Ж. Женнет и др.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в исследование важных вопросов немецкого научного

дискурса XVIII в., а также в решение теоретических проблем, связанных с интертекстуальностью как текстообразующей категорией.

Практическое значение работы состоит в том, что её результаты могут найти применение в занятиях по лингвистическому анализу текста, истории немецкого языка, а также по грамматике и стилистике немецкого языка.

Апробация работы проходила на XIX Международной конференции студентов-филологов СПбГУ, проводившейся с 18 по 22 апреля 2016 года. В докладе были представлены основное содержание и итоги исследования.

Глава 1. Категория интертекстуальности

1.1. Понятие интертекстуальности. Различные подходы

Язык является универсальным средством коммуникации и выражения мыслей. Познавательная деятельность человека тесным образом связана с интерпретацией различных знаков, к которым могут быть отнесены жесты, слова, целые литературные произведения. Язык в свою очередь есть своеобразный инструмент, с помощью которого осуществляется процесс познания. Очевидно также, что язык имеет непосредственное отношение к интерпретационной деятельности человека. Явлением интерпретации занимается герменевтика (в пер. с греч. «искусство толкования»), которую И. В. Арнольд определяет как «науку не о формальной, а о духовной интерпретации текста».¹

¹ Арнольд И.В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвузовский сборник научных трудов. – СПб, 1993. – С. 4.

Интертекстуальность является важной категорией герменевтики. В данном разделе будут подробно изучены понятие «интертекст» и различные подходы к его определению. Термин «интертекстуальность» был введен французской исследовательницей Ю. Кристевой. В своих научных работах она главным образом опиралась на труды М.М. Бахтина.

М. М. Бахтин занимался творчеством Франсуа Рабле и Ф. М. Достоевского. Рассматривая произведения этих авторов, русский философ отмечает такие особенности их текстов как «карнавальность» и полифония соответственно. В романах Ф. М. Достоевского постоянно возникают споры между героями, на протяжении всего повествования ведется диалог. Модель «текст в тексте» позволяет автору не ограничиваться сферой индивидуального сознания, а представлять в своём произведении точки зрения других субъектов высказывания. Для М. М. Бахтина диалогичность выходит за рамки простого общения персонажей в художественном произведении: «...диалогические отношения - явление гораздо более широкое, чем отношения между репликами композиционно выраженного диалога, это - почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение».² Такой же точки зрения придерживается В. Б. Шкловский. Он утверждает, что форма диалога есть «результат сущности». На его мнение также ссылается М. М. Бахтин.³

«Слово по своей природе диалогично»⁴ и «диалогическое общение и есть подлинная сфера жизни языка»⁵ являются основополагающими тезисами в трудах М. М. Бахтина. Каждый прозаический жанр он понимает как диалогический. Можно даже утверждать, что каждый текст представляет собой неоконченный диалог.

²Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972. –С. 25.

³Там же

⁴Там же, – С. 107.

⁵Там же

Надо полагать, что теория высказывания русского философа отражает его попытку отойти от формализма. Он считает, что каждое высказывание всегда принадлежит какому-либо «социальному контексту»⁶, которое влияет на него особым образом. То есть каждое высказывание субъекта о каком-либо предмете возникает как результат восприятия, понимания и прорабатывания информации об этом же предмете: «Такое слово как бы вбирает, всасывает в себя чужие реплики, напряженно их перерабатывая».⁷

По мысли М. М. Бахтина литературная структура не является статичной. Она возникает и формируется под воздействием других структур. Ю. Кристева охарактеризовала это явление «динамизацией структурализма»⁸, отмечая непрерывное движение и взаимодействие между текстами. То есть в одно произведение может стать точкой пересечения нескольких текстов.

Кроме того, М. М. Бахтин пишет о трех измерениях текстового пространства. К ним он относит субъекта письма (автора произведения), получателя (читателя) и «внеположные им тексты»⁹. Эти три категории находятся в состоянии диалога. В соответствии с этим «слово» как особая языковая единица рассматривается М. М. Бахтиным горизонтально (текст одновременно относится к автору и реципиенту) и вертикально (отношения данного текста к другим произведениям, более ранним или современным ему).¹⁰ Необходимо сразу отметить, что под «словом» М. М. Бахтин понимает текст. Однако читатель, вовлекаясь в мир текста, знакомится не только с самим текстом, но и с теми произведениями, которые уже

⁶Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008.– С.66.

⁷Бахтин М.М. Указ. соч. – С. 96.

⁸ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. - М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 428.

⁹Кристева Ю. Указ. соч.– С. 429.

¹⁰Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т. 5: Работы 1940-1960 гг. –URL : http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm. (дата обращения: 29. 11. 15).

содержатся в нём. В результате этого, вертикальная и горизонтальная плоскости совпадают.

Ещё одной важной проблемой, которая была рассмотрена М. М. Бахтиным, является узнаваемость каких-либо текстов. Для того чтобы описать данный вопрос философ предложил термин «память жанра»¹¹, под которым следует понимать «скрытое, подспудное сохранение традиции в развитии литературных жанров».¹² Смысл этого понятия заключается в том, что писатель лишь «подключается» к тому или иному жанру при создании своего произведения. Здесь работает так называемая «объективная память» самого жанра («В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики»¹³). Автор текста в свою очередь обновляет, дополняет его. Жанрово-стилевая доминанта текста в свою очередь сохраняется.

Кроме того, одним из первых М. М. Бахтин заметил, что «любой текст строится, как мозаика цитаций, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста».¹⁴ Таким образом, результаты исследования М. М. Бахтина следует рассматривать, как значимое для лингвистики текста открытие.

Мы постарались как можно подробнее рассмотреть концепцию М. М. Бахтина, так как, с нашей точки зрения, она является фундаментальной в развитии теории межтекстовых связей.

Теория русского философа также оказала огромное влияние на его современников. Обратимся к исследованиям уже не раз упомянутой нами Ю. Кристевой. Она считала интертекстуальность неотъемлемой составляющей любого текста, первоосновой литературы и рассматривала это лингвистическое явление не как объект, а как сложный процесс. В соответствии с этим Ю. Кристева определяла интертекстуальность прежде всего как «пермутацию текста»¹⁵, то есть как его изменение,

¹¹Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского.— С. 113.

¹²Энциклопедия «Литература и язык»/ под ред. А. П. Горкина – М.: Росмэн-Пресс, 2006. –С. 27.

¹³Бахтин М.М. Указ. соч.— С. 114.

¹⁴Кристева Ю. Указ. соч.— С. 428.

¹⁵Пьеге-Гро Н. Указ. соч.— С.51.

трансформацию. Можно сказать, что в данном случае она повторяет мысль М. М. Бахтина: «в пространстве того или иного текста несколько высказываний, взятых из других текстов, взаимно пересекаются и нейтрализуют друг друга».¹⁶ Текст представляет собой процесс постоянного обмена информацией. Новый текст возникает на основе предыдущих произведений. Главной характеристикой интертекстуальности Ю. Кристева считает непрерывное движение, которое она определяет как «текстовую динамику».¹⁷ Соответственно с понятием интертекстуальности также тесно связывается такой термин как продуктивность. По мнению Ю. Кристевой текст создается как бы сам по себе, помимо воли писателя.

Проблемой интертекстуальности занимался также французский философ-постструктуралист и семиотик Р. Барт. Он полагал, что любой текст есть интертекст, своеобразный набор цитаций: «текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат».¹⁸ Более того, Р. Барт расширяет границы понятия интертекстуальности. Он утверждает, что «ритмические структуры, культурные коды и формулы»¹⁹ поглощаются текстом и внутри него взаимодействуют друг с другом. Объяснение явления интертекстуальности Р. Барт видит в «подвижности текста»²⁰, которая заключается в том, что текст должен двигаться, проходить через другие произведения в процессе своего развития. Текст нельзя рассматривать как законченный продукт, потому что он находится в постоянном взаимодействии с другими текстами. Разумеется, с этим нельзя не согласиться. Французский исследователь развивает далее мысль Ю. Кристевой о продуктивности, которая присуща интертекстуальности. Он писал, что текст представляет собой «зрелище производства».²¹

¹⁶ Там же

¹⁷ Пьеге-Гро Н. Указ. соч.— С.52.

¹⁸ Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика /пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова.— М.: Прогресс, 1989. — С.128.

¹⁹ Там же

²⁰ Барт Р. Указ. соч.— С. 462.

²¹ Пьеге-Гро Н. Указ. соч.— С.52.

Нельзя не упомянуть эссе Р. Барта «Удовольствие от интертекста». В нём он затронул такой вопрос, как субъективность при опознавании интертекста. При прочтении текста в памяти человека возникают смысловые цепочки, которые порождаются словами, темами, содержащимися в данном произведении. Читатель узнает знакомые ему отрывки, детали. Р. Барт описывает свой собственный опыт и впечатления, приводя в пример отрывок из романов Пруста, в которых он заметил аллюзию на произведение Стендаля. То есть роман Пруста становится для него своеобразной исходной точкой, открывающей ему другие тексты. Как пишет сам Р. Барт, такой текст становится «воспоминанием, к которому я вновь и вновь возвращаюсь».²²

Не менее интересна сама природа интертекстуальности. Н. Пьеге Гро считает, что чаще всего автор скорее неосознанно повторяет мысли, высказанные до него, опираясь на свой культурный опыт. Обладая знаниями о мире, говорящий или пишущий будет неизбежно пользоваться ими, перерабатывать и совершенствовать их. Суть межтекстовых связей была также сформулирована швейцарским лингвистом Л. Женни: «Интертекст...говорит на языке, словарь которого образует вся совокупность существующих текстов».²³

Для нашей работы также важно мнение немецких авторов о понятии «интертекстуальность». Так, например, немецкий литературовед М. Пфистер пишет: «Die Theorie der Intertextualität ist die Theorie der Beziehungen zwischen Texten. Dies ist unumstritten; umstritten jedoch ist, welche Arten von Beziehungen darunter subsumiert werden sollen. Und je nachdem, wie viel man darunter subsumiert, erscheint Intertextualität entweder als eine Eigenschaft von Texten allgemein oder als eine spezifische Eigenschaft bestimmter Texte oder Textklassen.»²⁴ («Никаких сомнений не вызывает то, что теория интертекстуальности представляет собой теорию отношений между

²² Барт Р. Указ. Соч.— С. 491.

²³ Пьеге-Гро Н. Указ. соч.— С.53.

²⁴ Pfister M. Konzepte der Intertextualität // Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen, Niemeyer: 1985. S.11.

текстами. Спорным, тем не менее, является вопрос, какие виды отношений следует объединять в рамках данного понятия. В зависимости от количества видов, которые оно в себя включает, интертекстуальность предстает либо как общее свойство текстов, либо как некое специфическое качество определенного текста или типов текста») (перевод мой – О. И.) Очевидно, что в данном случае речь идет об узком и широком понимании интертекстуальности.

Х. Фатер трактует межтекстовую связь как одну из значимых текстообразующих категорий в современной лингвистике. Исследователь понимает «интертекстуальность» двояко. С одной стороны, как соотнесенность какого-то конкретного экземпляра текста (Textexemplar), и, с другой стороны, как его соотнесенность с другими текстами.²⁵

Ещё один немецкий лингвист У. Зуэрбаум также рассматривает интертекст как текстообразующую категорию: «Bei allen Gattungen gehört Intertextualität zu den konstitutiven Merkmalen...».²⁶ («Интертекстуальность является основополагающим признаком всех литературных жанров...») (перевод мой – О. И.)

Ещё одно, довольно простое и прозрачное определение понятия «интертекстуальность» принадлежит Майлу Риффатеру: «Интертекстуальность есть восприятие читателем отношений между данным произведением и другими — предшествующими или последующими — произведениями. Эти произведения и образуют интертекст первого произведения».²⁷ Он также писал, что интертекст, а точнее его выявление, является главным образом результатом процесса чтения. Следовательно, решающая роль в его толковании играет сам читатель.

М. Ю. Лотман говорит о так называемом «подключении» интертекста к различным кодам и знаковым системам. Необходимо сразу же уточнить, в

²⁵Vater H. Einführung in die Textlinguistik. W. Fink, Tübingen: 1992. S. 48.

²⁶Suerbaum U. Intertextualität und Gattung: Beispielreihen und Hypothesen// Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen, Niemeyer: 1985. S. 58.

²⁷Пьерге-Гро Н. Указ. соч. – С. 57.

своих работах он не использует термины «интертекст» и «интертекстуальность», однако ясно, что такие понятия, как «семиосфера», «культурная память» имеют к ним непосредственное отношение. Исследователь исходит из положения о размытости границ текста. Чтобы качественно проанализировать текст, понять его, необходимо привлечь определенные категории и критерии, к которым можно отнести художественный мир автора, идейное содержание произведения, философские направления, свойственные данной эпохе. Текст образует огромные количества связей.²⁸ Интересна также концепция М. Ю. Лотмана, касающаяся процесса семиозиса, который осуществляется посредством особого семиотического пространства, а именно семиосферы.²⁹ Язык, культура и тексты, по сути, являются диалогичными. Они функционируют и непрерывно взаимодействуют друг с другом в данной семиосфере. Характерными признаками семиосферы являются целостность и динамизм. Она постоянно изменяется, расширяется и развивается за счёт проникновения в неё новых кодов. И, наконец, семиосфере присуща способность к созданию новых систем, в том числе и интертекста. Так, М. Ю. Лотман рассматривает интертекстуальность с точки зрения семиотики.

И. В. Арнольд придерживается узкой трактовки «интертекстуальности», заключающейся в сведении данного термина к формальным признакам межтекстовой связи. Исследовательница трактует интертекстуальность как «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий».³⁰ Здесь видно, что для исследовательницы, прежде всего, важен вид межтекстовой связи. Надо также отметить, что в своём определении И. С. Арнольд упоминает лишь три способа интертекстуальных включений. Несмотря на то, что трактовка понятия «интертекстуальность» в данном

²⁸Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Об искусстве. СПб, Искусство: 1998. –С.204.

²⁹Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб, Искусство: 2000. – С. 20.

³⁰Арнольд. И.С. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – М.: Либроком: 2014.– С. 351.

случае в целом отражает суть самого лингвистического явления, нам оно всё же представляется довольно узким.

Узкого понимания этого термина придерживаются также и другие исследователи. Например, Ю. П. Солодуб полагает, что интертекстуальность есть «связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний».³¹ Здесь внимание уделяется только взаимодействию разных типов текста. Ещё более узкую трактовку «интертекстуальности» предлагает А.К. Жолковский, который объясняет данный термин лишь как взаимодействие между стихотворениями.³² Нельзя отрицать, что данные определения также отражают важные признаки межтекстовой связи, однако они могут быть взяты в качестве основного лишь в ограниченных областях лингвистического знания.

Уже было отмечено, что И. В. Арнольд сначала придерживалась узкой трактовки понятия «интертекстуальность». Однако позднее в процессе анализа данного лингвистического явления, исследовательница всё же начинает склоняться к более широкому пониманию интертекста. Поэтому теперь с её точки зрения данный термин подразумевает не только определенные формальные характеристики, но и межтекстовые связи, которые отражают диалогичность, присущую культуре, языку и, следовательно, тексту. Результатом нового толкования исследовательницей данного термина стало выявление так называемой «кодовой» интертекстуальности. То есть элементов из различных сфер коммуникации (официально-деловой, религиозной, научной).

Можно привести цитату И. В. Арнольд, которую она использует для объяснения термина «интертекстуальность». Она использует концепт оптического поля, представляющего собой пространство, «в котором можно

31[□] Солодуб Ю. П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. 2000. № 2.– С. 51.

32[□] Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. – М.: Издательский центр РГГУ: 2005.– С. 9.

видеть предметы сквозь линзу: «Такой линзой для нас оказывается цитата, то есть преднамеренное введение чужих слов. То, что читатель сквозь эту линзу увидит, зависит от первоначального контекста, из которого цитата взята, и от того, в который она помещена, в какой мере она маркирована и трансформирована формально и семантически; все это связано с тезаурусом реципиента, зависит от его умения быть читателем».³³

Н. А. Кузьмина также придерживается узкого понимания «интертекстуальности», трактуя её как диалог текстов, их «перекличку», которая обозначена определенными языковыми сигналами.³⁴

Широкого понимания «интертекстуальности» придерживается В. Е. Чернявская. Межтекстовая связь есть «взаимодействие текстов и/или их фрагментов как в плане содержания, так и в плане выражения»³⁵ и представляет собой «способ, которым один текст актуализирует в своем внутреннем пространстве другой».³⁶ Характер этого взаимодействия является, с её точки зрения, эксплицитным. В научной речи интертекстуальность выступает как «универсальный принцип построения научного текста на уровне содержания».³⁷ Здесь также необходимо отметить, что каждый научный труд выступает как «микротекст в общенаучном макротексте»³⁸. То есть определенное произведение, будь то фундаментальный труд или монография, включаются в научную картину мира, входят в общий фонд знаний. В работе мы будем придерживаться определения В. Е. Чернявской, так как оно удовлетворяет поставленным нами задачам.

Интертекстуальность часто связывают с понятием «готовый текст». Готовые тексты представляют собой тексты, включенные из самых

³³ Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – М.: Флинта, 2009.– С. 73.

³⁴ Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах поэтического языка / Н.А. Кузьмина. – М.: КомКнига, 2007.– С.19-20.

³⁵ Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста / В.Е. Чернявская. – 4-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.– С. 49.

³⁶ Там же

³⁷ Там же

³⁸ Чернявская В.Е. Указ. соч.– С.50.

разнообразных источников, начиная с исторических документов и заканчивая афишами и открытками. Эти тексты играют важную роль в литературе постмодернизма. Некоторые литературоведы, например, М. Н. Липовецкий утверждают, что интертекстуальность является особенностью постмодернистских текстов и что её не следует рассматривать как общую категорию, служащую для образования текста любого рода.³⁹

Подводя итоги данного раздела, отметим, что понятие «интертекстуальность» обладает множеством трактовок. Это в свою очередь объясняется тем, что оно применяется в различных областях лингвистического знания и литературоведения и зависит от того, какой смысл в него вкладывают авторы определения. Можно сказать, что интертекстуальность представляет собой особую категорию, которая заключается в использовании составляющих одних (предшествующих) текстов при создании нового текста произведения.

1.2. Виды межтекстовых связей

Существует довольно много принципов систематизации интертекстуальности. Вначале обратимся к теории французского исследователя Ж. Женетта. Он не рассматривал интертекстуальность как некую общую текстообразующую категорию, а понимал её лишь как один из типов взаимосвязей, которые существуют в литературе. По мнению ученого, базисом литературности является совокупность так называемых трансцендентальных классов, к которым он относил способы высказывания, различные типы дискурсов, а также литературные жанры. К данным классам, таким образом, можно отнести любой текст. Кроме того, текстовую трансцендентальность Ж. Женетт характеризует как обобщающий класс и называет его термином «транстекстуальность», который в свою очередь включает в себя следующие типы текстового взаимодействия:

³⁹ Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997.– С. 9.

1) Архитекстуальность. Под данным термином понимается жанровая связь текстов, принадлежность определенного текста к какой-либо жанровой категории.

2) Паратекстуальность. В данном случае речь идет об отношениях текста и его паратекста (заголовок, предисловия, послесловия и т.д).

3) Метатекстуальность. Характеризуется как комментирующая, возможно даже критическая ссылка на первый текст.

4) Гипертекстуальность. Любая связь между гипертекстом (В) и гипотекстом (А), который является производным от текста (В). По мысли Ж. Женетта гипертекстовые явления также можно разделить по двум признакам: характер связи (имитация или трансформация гипотекста) и ее модальность (игровая, сатирическая, серьезная).

5) Интертекстуальность. Также одно из транстекстовых отношений. Французский литературовед трактует данное понятие, как «отношение соприсутствия, существующее между двумя или несколькими текстами».⁴⁰

В соответствии с этой классификацией можно выделить два класса: межтекстовые связи в строгом смысле и гипертекстуальность, к которой относятся стилизация и пародия. Ж. Женетт, однако, пишет о размытости границ между данными видами текстовой связи. Так, например, метатекст очень часто содержит цитаты. То есть интертекстуальность обогащает метатекстуальность, дополняет её.⁴¹

Довольно интересной представляется систематизация межтекстовых связей по принципу происхождения. В лингвистической литературе можно также встретить термин «генетические типы межтекстовых связей». При построении системы данных видов текстовых связей Е. В. Михайлова предлагает выделение и анализ «вертикального и горизонтального измерений»⁴² интертекстуальности.

Так, к вертикальному измерению следует отнести связь определенного текста с той знаковой системой, в которой он был создан.

⁴⁰ Пьеге-Гро Н. Указ. соч.— С.54.

⁴¹ Пьеге-Гро Н. Указ. соч.— С.54.

⁴² Михайлова Е. В. Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): дисс., к. филол. н. Волгоград: Изд-во ВГУ, 1999. — С. 131.

Горизонтальная межтекстовая связь представляет собой совокупность текстовых произведений, имеющих общую смысловую основу и описывающих некий единый предмет.

Чтобы выявить показатели горизонтальной интертекстуальности важно определить характер источника, из которого было совершено заимствование. Это может быть либо отрывок из самого прецедентного текста, либо намек на «какой-либо формальный признак»⁴³ этого текста. Следовательно, в первом случае перед нами полное заимствование и вхождение в новый текст фрагмента источника (то есть цитата), а во втором - лишь указание на предтекст, намек на «паратекст».

Надо сказать, что вертикальная интертекстуальность может включать в себя элементы, которые принадлежат к вербальной и невербальной знаковой системам. Если мы говорим о вербальной системе, то важность приобретает фактор, на каком языке написан тот или иной интертекстуальный элемент. Отметим, что целью данной работы является анализ взаимодействия текстов. Неязыковые феномены же не удовлетворяют предмету исследования. В связи с этим мы не будем подробно рассматривать невербальную знаковую систему в её отношении к интертекстуальности. Итак, согласно концепции Е. В. Михайловой существует «собственно текстовый тип»⁴⁴, к которому относятся ссылки и цитаты и «вертикальный тип», включающий в себя одноязыковые, иноязычные межтекстовые связи.

Немаловажным фактом в исследовании научной коммуникации является то, что заимствованные из текста-источника идеи в новом текстовом произведении представлены всегда эксплицитно. К ярко выраженным маркерам интертекстуальности относятся уже упомянутые цитаты, ссылки, а также выделяемые В. Е. Чернявской косвенная речь, примечания и сноски.⁴⁵ Это отличает научные тексты от текстов художественных произведений, в которых довольно часто встречаются

⁴³ Михайлова Е. В. Указ. соч. – С. 103.

⁴⁴ Михайлова Е. В. Указ. соч. – С. 104.

⁴⁵ Чернявская В.Е. Указ. соч. – С. 50.

скрытые отсылки (аллюзии). (Например, заголовок романа В. Кеппена «Смерть в Риме» указывает читателю на связь данного произведения с новеллой Т. Манна «Смерть в Венеции».)

Теперь обратимся непосредственно к описанию видов интертекстуальности.

1.2.1. Цитата

Цитата является словом латинского происхождения: cito - высказываю, привожу. Лингвистический энциклопедический словарь определяет данный термин как «дословную выдержку из какого - либо произведения. В художественной речи и публицистике цитата - стилистический прием употребления готового словесного образования, вошедшего в общелитературный оборот»⁴⁶. Эта трактовка представляется нам несколько узкой. В нашей работе мы будем понимать «цитату» также как один из самых значимых видов связи между текстовыми произведениями.

Не стоит подробно останавливаться на структуре цитаты. При цитировании мысль, которую хотел донести автор не должна искажаться. Это значит, что использование цитаты не предполагает изменения грамматических форм, замену лексем.

Сразу отметим, что цитата, являясь одним из типов интертекстуальной связи, представляет собой наиболее эксплицитный способ межтекстового заимствования. То есть она позволяет непосредственно пронаблюдать процесс включения одного текста в другой. Пьеге - Гро также писала об этой особенности цитаты и охарактеризовала её, как «эмблематическую единицу интертекстуальности».⁴⁷ Значительно содействует этому выделение взятого фрагмента прецедентного текста кавычками, использование курсива и т.д. Кроме того, цитата обладает самой высокой степенью достоверности среди других типов интертекстуальной связи.

⁴⁶ Гришунин А. Л. Цитата / А.Л. Гришунин // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: "Советская энциклопедия":1987. – С. 442.

⁴⁷ Пьеге - Гро Н. Указ. соч.– С. 84.

Существует довольно много классификаций цитат. Вначале обратимся к типологии Е. В. Михайловой, которая рассматривает виды межтекстовых связей с точки зрения их происхождения. В соответствии с этим исследовательница выделяет первичные и вторичные цитаты.⁴⁸

Под первичными цитатами в данном случае понимается прямое заимствование из первоисточника. В научных текстах такой вид цитирования встречается чаще всего.

При написании научного произведения к вторичным цитатам прибегают чаще всего в том случае, если первоисточник в силу ряда причин недоступен или плохо известен автору. Следовательно, он обращается к промежуточному тексту, в котором и содержится цитируемый фрагмент. Однако иногда для автора большее значение имеет именно промежуточный текст, который лишь содержит в себе ту или иную цитату, взятую из первого источника. Существует несколько способов маркирования вторичной цитаты в тексте. Например, «Цит. по: . . .», соответствующая библиографическая ссылка или прямое указание на первоисточник в тексте статьи.

Данная типология важна для нашей работы и, разумеется, будет проиллюстрирована в практической части данной работы.

Рассмотрим ещё одну классификацию, автором которой является В. Е. Чернявская. Данная типология представляет большой интерес, так как в ней основной критерий разделения цитат есть функция, выполняемая ими в научном тексте.

Здесь нельзя не отметить важной роли особых ремарок, вводящих цитату в новый текст. Ремарки могут быть оценочными, критическими высказываниями, которые представлены в виде целых предложений, словосочетаний и отдельных слов, расположенных в пре-, интер- или постпозиции к цитируемому фрагменту. Данные ремарки репрезентируют «характер диалогических отношений, в которые вступает цитата в

⁴⁸ Михайлова Е. В. Указ. соч.– С. 105.

зависимости от своей функции».⁴⁹ В соответствии с этим тезисом рассматриваются следующие типы цитат.

1. Цитата-аргумент. Данный вид межтекстовой связи используется, прежде всего, для того, чтобы придать тому или иному высказыванию большую убедительность и выполняет доказательную функцию. Чаще всего подобная цитата соединяется с речью автора при помощи союзов главным образом со значением причины. Например, *denn, weil, da*. Кроме того, могут встретиться и выражения: *daraus ergibt sich, daraus folgt*.

2. Цитата-пример. В этом случае цитата наглядно репрезентирует фрагмент предтекста в новом текстовом произведении. Так, автор нередко использует отрывок из чужого текста, который наиболее четко может проиллюстрировать его точку зрения. Чтобы интегрировать данную цитату в новый текст, прибегают к устойчивым конструкциям и формулировкам, таким как: *Als ein Beispiel für viele ist ein Zitat aus... anzuführen, zum Beispiel, beispielsweise, es heißt bei jmdm wörtlich, zum Beleg das folgende Zitat*.

3. Цитата-заместитель. Данный вид цитаты находит применение, если автор выражает свое мнение словами из чужого текста. В. Е. Чернявская характеризует эту функцию цитаты как «подменяющую».⁵⁰ Отметим, что такая цитата указывает на совпадение точки зрения двух или более авторов. Ремарками в данном случае являются такие выражения как: *mit anderen Worten, präziser formuliert, genauer ausgedrückt, bezugnehmend auf jdn, Anlehnung an jdn, im Anschluss an jdn, mit jmdm meinen wir, dass*.

Нельзя, однако, утверждать, что между данными типами цитат существует резкая граница. Каждый из данных видов текстовой связи может содержать в себе доказательный, иллюстративный и «подменяющий» аспекты. На первый взгляд может показаться, что, например, между цитатой-аргументом и цитатой-заместителем вообще нет никакой разницы. В то же время мы должны учитывать коммуникативную задачу, которую поставил автор. Цитата-аргумент только указывает на существование точки зрения, которая совпадает с авторской позицией и объясняет её как научный

⁴⁹Чернявская В.Е. Указ. соч.— С. 52.

⁵⁰Чернявская В.Е. Указ. соч.— С. 53.

факт. Цитата-заместитель выполняет совершенно другую функцию. Она делает акцент на том, что обе точки зрения являются идентичными по смыслу и могут быть взаимозаменяемыми. Примечательно, что цитата-пример не всегда совпадает с авторским пониманием того или иного вопроса. В связи с этим фрагменты предтекста, использованные в качестве цитаты-примера, нередко критически оцениваются автором нового текстового произведения. Таким образом, возникает полемика между двумя (или более) научными произведениями.

Надо сказать, что цитаты являются одним из самых важных видов межтекстовой связи. Характер этих взаимосвязей может быть совершенно различным. Правильно определить его и истолковать смысл этих отношений помогают ремарки, представленные самыми разнообразными синтаксическими и лексическими средствами.

1.2.2. Ссылки

Ссылки также как цитаты являются эксплицитным способом межтекстовой связи. Но в данном случае фрагмент предтекста не присутствует непосредственно в новом текстовом произведении. Как пишет Н. Пьеге-Гро, ссылка предполагает «отношение *in absentia*»⁵¹. Использование данного вида межтекстовой связи объясняется потребностью отослать читателю к какому-либо тексту. Так, ссылка – это выдержка из текста или указание источника.⁵² Ссылку можно охарактеризовать именно как паратекстовый тип связи. Ранее мы уже обращались к термину паратекст. Можно сказать, что при паратекстовом заимствовании межтекстовая связь осуществляется элементами паратекста исходного произведения, то есть послесловие, предисловие, эпиграф, сноски и т.д.

Попытаемся сформулировать определение «ссылки», учитывая данные факты. Ссылка представляет собой тип интертекстуальной связи, отличительной особенностью которой является упоминание формальных показателей текста источника. Однако не следует понимать данный вид взаимосвязи между текстами лишь как простое указание на труды других

⁵¹Пьеге-Гро Н. Указ. соч.– С.87.

⁵²Ожегов С.И.: Толковый словарь русского языка. – М.: Оникс, 2006

авторов или как перечисление имен исследователей. При анализе ссылок надо также учитывать, что побудило автора нового текста обратиться к той или иной научной работе, каким образом можно сопоставить новое научное произведение с другими трудами, написанными ранее.

Ссылки также можно подразделить на виды. Решающее значение здесь имеет тот формальный признак предтекста, на который ссылается автор нового произведения. Е. В. Михайлова выделяет:

1. Именные ссылки. Под именными ссылками следует понимать указание на имя автора текста источника. Отметим, что именные ссылки в свою очередь подразделяются на авторские (то есть ссылка на имя одного автора) и множественные ссылки (упоминание имен нескольких авторов).

2. Титульные ссылки. Они служат для того, чтобы соединить «текст статьи с названием текста-источника»⁵³

3. Адресные ссылки. Предоставляют информацию (часто не полностью) о выходных данных прецедентного текста. Примером может быть год и место из издания.⁵⁴

Разумеется, по одному упомянутые виды ссылок встречаются довольно редко, за исключением, пожалуй, именных ссылок. Существует также такое понятие как «библиографическая ссылка», которую исследователи относят к смешанному типу ссылок. Она подразумевает наличие одновременно именной, титульной и адресной ссылки.

В. Е. Чернявская же объединяет данные виды ссылок под общим термином «фоновые ссылки».⁵⁵

Очевидным является то, что количество ссылок в научном тексте преобладает над числом цитат. Особенно четко это видно в научных произведениях большого объема.

1.2.3. Косвенная речь

Косвенная речь - это передача чужой речи в форме придаточного предложения.⁵⁶ Как пишет В. Е. Чернявская: «Обязательным признаком

⁵³ Михайлова Е. В. Указ. соч. – С.112.

⁵⁴ Там же

⁵⁵ Чернявская В.Е. Указ. соч. – С.58.

⁵⁶ Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. — М.: Просвещение: 1976.

косвенной речи является анализ, неотделимый от передачи чужого высказывания. Трансформации, с которыми неизбежно связана передача чужого содержания в форме косвенной речи, прослеживаются как на уровне формы, так – и более или менее существенно – на уровне содержания».⁵⁷ Действительно, по сравнению с цитатой косвенная речь говорит о более высокой степени приспособления текста-источника.

Под трансформациями следует понимать изменение временной формы, сжатие высказывания, изменение глагола по лицам, развернуты вариативные повторы и др.

Выделяют два типа косвенной речи (по В. Е. Чернявской):

1. «Имплицитная косвенная речь, свёрнутая в субстантивные (*die Stellungnahme von jmdm.*) или предложно-вербальные словосочетания (*Jmd verwies in seinem Buch auf*)».⁵⁸

2. «Пересказанная косвенная речь с сохранением первоначальной субъектно-предиктной структуры и обязательным указанием на предтекст (*So jmd, nach jmdm, so die Gedankengänge von jmdm*)»⁵⁹

Отметим, что для каждого языка существуют свои правила трансформации. Так, в немецком языке косвенная речь передается при помощи презентных форм конъюнктива (в некоторых случаях претеритального конъюнктива), посредством грамматикализованных конструкций с модальными глаголами «*sollen, wollen + Infinitiv I bzw. II*». Кроме того, косвенную речь вводят такие глаголы как *sagen, glauben, meinen* в предложениях-сообщениях.⁶⁰

При косвенной речи происходит переосмысление высказывания, взятого из предтекста. Однако содержание фрагмента источника не изменяется. Это достигается посредством использования синтаксических и лексических синонимов, повторов на разных языковых уровнях. Можно утверждать, что при использовании косвенной речи довольно тяжело

⁵⁷Чернявская В.Е. Указ. соч.– С. 55.

⁵⁸Там же

⁵⁹Там же

⁶⁰Баева Г. А. Синтаксис современного немецкого языка. – СПб: Изд. СПбГУ: 2001. – С. 70-71.

провести грань между прецедентным и новым текстами, потому что в данном случае имеет место интерпретация автором фрагмента предтекста. Итак, косвенной речи присуща меньшая степень «интертекстуальной напряженности».⁶¹

В современных научных трудах, надо сказать, количество цитат значительно уступает доле конструкций с косвенной речью. Нельзя не отметить того, что использование косвенной речи показывает активную работу автора с текстом первоисточника, его косвенное взаимодействие с создателем предтекста.

1.2.4. Аллюзия

Говоря об интертекстуальности нельзя не упомянуть такого лингвистического явления, как аллюзия. Главное отличие аллюзии от цитаты состоит в том, что ей не присущи буквальность и эксплицитность. Это делает данный вид межтекстовой связи незаурядным, более тонким. Многие писатели и поэты часто прибегают к использованию аллюзии, чтобы заинтересовать читателя, создать условия «игры» с ним, а также, чтобы добавить выразительности произведению. Кстати, само слово «аллюзия» восходит к латинскому глаголу *alludere* «намекать», «шутить», «играть».⁶²

Так, аллюзия есть стилистический прием, заключающийся в намёке на общеизвестные факты, исторические события, литературные произведения.⁶³

Аллюзия действительно представляет собой очень интересный феномен. Она обращена, прежде всего, к памяти человека, к его личному опыту. Используя аллюзию, автор как бы сопоставляет собственную речь с общеизвестными идеями. Таким образом, указание на имя автора, которому принадлежит то или иное высказывание, в новом тексте отсутствует.

Сразу стоит уточнить, что аллюзия встречается в основном в текстах художественной литературы. Для научных текстов она менее типична. Мы полагаем, однако, что не следует сильно разграничивать сферы

⁶¹Чернявская В.Е. Указ. соч.— С. 57.

⁶²Duden Online-Wörterbuch. – URL: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 14. 12. 15.)

⁶³Ожегов С.И.: Указ. соч.

использования аллюзии. На материале нашего исследования, текстах XVIII века, мы попытаемся доказать, учитывая особенности научной традиции той эпохи, что такие типы межтекстовой связи, как аллюзия также могут иметь место в научном трактате.

1.2.5. Плагиат

Н. Пьеге-Гро рассматривает плагиат также как один из видов межтекстовой связи.⁶⁴ Разумеется, данное интертекстуальное явление не имплицитно. Французская исследовательница трактует понятие «плагиат», как «неотмеченную цитату».⁶⁵ Распознать плагиат в научном тексте очень непросто, в некоторых случаях практически невозможно. Но надо сказать, что, к сожалению, в научном мире плагиат встречается довольно часто. Его можно охарактеризовать как воровство чужих мыслей. В то же время существование плагиата показывает, какую значимую роль играет цитата при написании той или иной работы. Авторитетные авторы (Н. Пьеге-Гро, В. П. Москвин⁶⁶ и др.), относят плагиат к интертекстуальности. Несомненно, плагиат связывает текст с предтекстом. Однако нам хотелось бы отметить, что интертекстуальные связи – это, прежде всего отношения диалогичности, которые существуют между двумя текстовыми произведениями. В случае плагиата эта связь намеренно скрывается и разрушается недобросовестным автором, воспользовавшимся плодами чужих трудов. По этой причине мы с сомнением подходим к вопросу о том, стоит ли считать плагиат одним из типов связи между текстами. В данной работе мы не будем обращаться к данному лингвистическому явлению.

Нельзя не рассмотреть также типологию межтекстовых связей, разработанную немецкими учеными К. Ганзель и Ф. Юргенсом. Они выделяют следующие виды интертекстуальности:

- Дейктическая интертекстуальность (*deiktische Intertextualität*) – в виде отсылок (цитат) от одного текста к другому

⁶⁴ Пьеге-Гро Н. Указ. соч.– С. 88.

⁶⁵ Там же

⁶⁶ Москвин В. П. Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология. – Волгоград: Известия Волгоградского государственного педагогического университета Выпуск № 6 (81): 2013.– С. 57.

- Кооперативная интертекстуальность (kooperative Intertextualität) – в виде прямой связи между цельными текстами (например, между книгой и рецензией на книгу)
- Трансформирующая интертекстуальность (transformierende Intertextualität) – в виде преобразования исходного текста в другой текст или фрагмент текста
- Инкорпорирующая интертекстуальность (inkorporierende Intertextualität) – в виде резюме какого – либо сообщения.⁶⁷

Так, мы убедились в многообразии типов интертекстуальных связей. Разумеется, они не всегда используются по отдельности. Собственно текстовый и паратекстовый виды связей между текстами взаимодействуют друг с другом в научных произведениях.

1.3. Функции межтекстовых связей.

Важно также рассмотреть, какую роль играет интертекстуальность в тексте научной работы. Мы обратимся к классификации Е. В. Михайловой⁶⁸.

1. Референционная функция интертекстуальности. В научных произведениях данная функция является, пожалуй, наиболее частотной. При создании своего текста исследователь, так или иначе, будет ссылаться на более ранние работы в смежной или такой же области науки, обращаться к уже накопленным знаниям. Кроме того, проработка чужих текстов имеет большое значение для лучшего понимания выбранной для изучения темы. На этапе анализа других научных трудов формируется основа, на которой автор будет создавать пути решения поставленных задач. Интертекстуальность позволяет исследователю установить связь между новым текстовым произведением, теми базовыми сведениями, которые содержат информацию о каком-либо определенном научном направлении, а также познакомить читателя с сочинениями других учёных.

Е. В. Михайлова пишет, что референционная функция также включает в себя такие виды как: информативная, экспланативная,

⁶⁷ Gansel C. und Jürgens F. Textlinguistik und Textgrammatik: Eine Einführung. Vandenhoeck & Ruprecht: 2007. S. 109-112.

⁶⁸ Михайлова Е. В. Указ. соч.– С. 137.

апеллятивная функции. Исследовательница называет их «разновидностями».⁶⁹

А. Информативная функция состоит в «сжатии» информации, чтобы читатель научного текста мог легче её усвоить. В наши дни наука быстро развивается. Появляется всё больше исследовательских работ, которые всё больше увеличивают объем знаний. Авторы научного текста пытаются изложить важную информацию, не перегружая своего текста и соблюдая логическую последовательность фактов. Чаще всего информационную функцию выполняют цитаты и ссылки.

В. Экспланативная функция служит для объяснения представленных в тексте сведений. Более того, автору необходимо пояснить или более конкретно представить в работе ход своих мыслей. Для этого он обращается к примерам из текста-источника. Такие межтекстовые связи помогают создать более чёткое представление о проблеме, дополняют научный труд.

С. Апеллятивная функция. В данном случае автор прибегает к заимствованиям из текста-источника, чтобы создать базис для собственного исследования и аргументировать собственную точку зрения.

2. Оценочная функция. Важнейшей особенностью научного дискурса является его «полемическая диалогичность».⁷⁰ Межтекстовые связи, которым присуща данная функция, являются самым значимым компонентом при образовании нового научного произведения, так как именно они организуют диалог между текстами. Практически любой, взятый из текста-источника фрагмент, может быть подвергнут критике, с результатами исследований другого учёного, автор также может сравнить свои выводы. Кроме того, весь отрывок из прецедентного текста требует внимательного рассмотрения, тщательного анализа. Тем самым, автор вступает в полемику с учёным-создателем текста-первоисточника. Отметим, что в зависимости от характера авторского отношения к заимствованному

⁶⁹ Михайлова Е. В. Указ. соч.– С. 138-142.

⁷⁰ Михайлова Е. В. Указ. соч.– С. 145.

объекту, данная функция может быть подразделена на «эмпатическую» и «критическую».⁷¹

3. Этикетная функция. Эта функция служит для выражения уважения автора текста к научному сообществу и для указания принадлежности текста к той или иной группе. К данной функции следует отнести необходимость упоминания в тексте научной работы наиболее авторитетных авторов, которые уже внесли свой вклад в решение определенного вопроса, а также использование автором нового текста всевозможных клише, штампов, выражений, формулировок, которые считаются общепринятыми в научном стиле. Примечательно, что, если исследователь цитирует труды каких-то авторов, а работы других оставляет без внимания, то мы можем сделать вывод о его принадлежности к определенному научному направлению. В вышеперечисленных факторах и проявляется этикетная функция интертекстуальности.

4. Декоративная функция. Типы межтекстовых связей, для которых свойственна данная функция, должны главным образом, «украсить» научный текст, придать ему нечто особенное, сделать его отличным от других. Наличие в тексте произведения интертекстуальных фрагментов может вызывать в памяти у человека ряд ассоциаций, тем самым облегчая понимание и усвоение знаний, с которыми он знакомится, когда читает текст научного произведения.

Вероятно, можно выделить ещё одну функцию интертекстуальности, а именно функцию создания игры с читателем. Она служит для того, чтобы больше заинтересовать читателя содержанием произведения. Конечно, нельзя отрицать, что в основном межтекстовые заимствования, выполняющие подобную функцию, встречаются в произведениях художественной литературы. Однако необходимо учитывать то, что материалом нашего исследования являются тексты XVIII века. Научный дискурс этой эпохи имеет свои характерные черты. Вполне возможно, что

⁷¹ Там же

интертекст в научном труде Готшеда выполняет такую функцию. В последующих главах мы попытаемся доказать это суждение.

1.4. Проблемы, связанные с понятием «интертекстуальность».

Разумеется, существует немало спорных вопросов, касающихся межтекстового взаимодействия. Один из них затрагивает прагматический аспект. Многих исследователей волнует проблемы, затрагивающие границы интертекста и его восприятие реципиентом.

Коммуникация есть сложный процесс, в котором участвуют автор текстового произведения и читатель. Для того чтобы она была результативной, необходимо полное понимание реципиентом авторского замысла. Мы уже выяснили, что создатель текста не может не обращаться к произведениям своих предшественников. Следовательно, читатель должен также быть в состоянии правильно истолковать заимствования из других текстов.

При написании своего произведения автор ставит перед собой задачу донести информацию до определенной группы реципиентов. И. К. Готшед писал свои труды, ориентируясь, главным образом, на образованные круги общества. Несомненно, читателю из той эпохи было намного легче ознакомиться с содержанием сочинения немецкого писателя, чем человеку из XXI века, которому, чтобы должным образом понять смысл, заложенный в трактате, узнать все заимствованные из более ранних работ фрагменты, необходимо обратиться к дополнительным источникам.

М. М. Бахтин писал: «Если мы не знаем о существовании этого второго контекста чужой речи и начнем воспринимать стилизацию или пародию так, как воспринимается обычная – направленная только на свой предмет – речь, то мы не поймем этих явлений по существу: стилизация будет воспринята нами как стиль, пародия – просто как плохое произведение».⁷² Важно правильно истолковать тот «контекст чужой речи»⁷³, который послужит ключом к постижению смысла нового текстового произведения. И соответственно, неправильная трактовка

⁷²Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского.– С.109.

⁷³Бахтин М.М. Указ. соч.– С. 110.

интертекстуального отрывка или просто его игнорирование может привести к возникновению искаженного представления о тексте.

Обратимся ещё к одному авторитетному мнению. Р. Барт утверждал: «Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. - все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык».⁷⁴ Согласно концепции французского философа, понимание интертекстуальности зависит от того, какими общими знаниями обладает человек, какие «культурные коды» он усвоил.

И наконец, как пишет немецкий исследователь У. Бройх: «Intertextualität in diesem engeren Sinn setzt also das Gelingen eines ganz bestimmten Kommunikationsprozesses voraus, bei dem nicht nur Autor und Leser sich der Intertextualität eines Textes bewußt sind, sondern bei dem jeder der beiden Partner des Kommunikationsvorgangs darüber hinaus auch das Intertextualitätsbewußtsein seines Partners miteinkalkuliert.»⁷⁵ («Интертекстуальность, понимаемая в узком смысле, предполагает успешное протекание определенного процесса коммуникации, при котором автор и читатель не только понимают смысл интертекстуального заимствования в каком-либо тексте, но и, более того, каждый из обоих участников данного коммуникативного процесса входит в «интертекстуальное сознание» своего партнера») (перевод мой – О. И.). У. Бройх подчеркивает важность взаимодействия коммуникантов.

В целом, можно говорить о том, что проблема распознавания интертекстуальных элементов в тексте носит субъективный характер. Ведь понимание и усвоение информации, представленной в произведении, зависит непосредственно от уровня эрудированности читателя, от той культуры, в которой он вырос.

Выводы к главе 1

⁷⁴ Барт Р. Указ. соч. – С.83.

⁷⁵ Broich U. Formen der Markierung von Intedextualität // Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen, Niemeyer: 1985: S. 31.

1. В лингвистической литературе выделяют несколько видов межтекстовой связи. В соответствии с материалом настоящего исследования мы проанализируем: цитаты, фоновые ссылки, косвенную речь.

2. В лингвистической литературе выделяют несколько видов межтекстовой связи. В соответствии с материалом настоящего исследования мы проанализируем: цитаты, фоновые ссылки, косвенную речь. Интертекстуальность выполняет в тексте произведения различные функции, которые зависят от коммуникативной задачи, поставленной автором. Наиболее распространенными функциями межтекстовых связей являются: референционная, оценочная, этикетная и декоративная. Учитывая специфику трактата И. К. Готшеда, мы попытаемся установить наличие в тексте функции «создания игры с читателем», которая является более характерной для художественных текстов.

3. Одной из самых значимых проблем, связанных с понятием «интертекстуальность», является вопрос, касающийся распознавания межтекстовой связи. Каждый человек обладает особым фондом знаний, которого, может быть недостаточно, чтобы правильно интерпретировать интертекстуальный фрагмент и, следовательно, должным образом истолковать смысл всего произведения.

Глава 2. Научный дискурс

2.1. Научный стиль

Текст есть центральное понятие современной лингвистики. Существует три наиболее распространенных трактовки «текста». Он рассматривается с грамматической точки зрения и понимается как высший уровень в системе языка (по сравнению с предложением, словосочетанием, словом и морфемой). Кроме того, текст представляет собой единицу речи. Здесь необходимо обратиться к концепции М. А. К. Хэллидея, который писал, что «текст — это язык в действии».⁷⁶ Можно утверждать, что в данном случае важность представляет функционирование языка в речи, закономерности его практического использования. И, наконец, понимание текста с прагматической позиции, а именно как языкового образования, которое включает в себе коммуникативные задачи, преследуемые говорящим (пишущим) и реципиентом, и которому присуща содержательная целостность. При исследовании такого сложного явления, как текст, необходимо обращать внимание на все вышеприведенные аспекты.

Чтобы дать более полный анализ текстовому произведению, необходимо также учитывать к какому стилю оно принадлежит. Ю. М. Скребнев определял «стиль» как «специфичность реального текста и общее представление о специфике текстового типа».⁷⁷ Одним из ключевых слов в разговоре о стиле текста является слово «выбор», так как при создании своего произведения автор выбирает из множества языковых возможностей некие средства и выражения, которые удовлетворяют поставленной им задаче. Используемые автором в процессе написания текста языковые единицы составляют стилистический смысл текста (или формируют его стилевые черты). Помимо семантики, стилю также присуща структура. Важно отметить, что стилистическая и текстовая структуры не являются

⁷⁶Филиппов К.А. Лингвистика текста. Курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003.— С. 22.

⁷⁷Новожилова К. Р. Стилистика повествовательного текста. Теоретические и исторические основы: Учебное пособие. — СПб: Изд. СПбГУ, 2007.— С. 4.

тождественными. Структура стиля представляет собой совокупность компонентов, являющимися отличительными признаками данного текста. Стилистическая структура состоит из языковых единиц различных уровней. Так, можно утверждать, что стиль является качественной характеристикой текстового произведения.

Изучение интертекстуальных особенностей в свою очередь предполагает также рассмотрение коммуникативной ситуации, которой принадлежит данное текстовое произведение. Иными словами, необходимо охарактеризовать сферу, в которой «создаётся или воспринимается» текст.⁷⁸ М. П. Брандес пишет о так называемых «социально-культурных контекстах».⁷⁹ К ним можно отнести политический, художественный, административный, научный контексты. Лишь в их рамках текст становится текстом и приобретает необходимый смысл.

В. Е. Чернявская говорит о трех основных толкованиях «стиля».⁸⁰ Руководствуясь целями нашей работы, мы решили обратиться к понятию «функциональный стиль». Функциональный стиль складывается под воздействием внеязыковых факторов (также «социально-культурных контекстов»). Лингвистический энциклопедический словарь определяет его как «разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере».⁸¹ Нельзя не согласиться с данной трактовкой. Однако дополним, что функциональный стиль также обладает спецификой, которая сформировалась в результате отбора языковых средств, релевантных для той или иной коммуникативной сферы.

В соответствии с материалом нашей работы особое внимание мы должны уделить научному стилю.

⁷⁸Чернявская. В.Е. Указ. соч.— С. 12.

⁷⁹Брандес М. П. Стилистика немецкого языка – М.: Высшая школа, 1983. – С. 140

⁸⁰Чернявская. В.Е. Указ. соч.— С. 14.

⁸¹Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. ред. В. Н. Ярцева. 1990. –URL : <http://tapemark.narod.ru/les/567a.html> (дата обращения: 17. 01. 16.)

Он обеспечивает процесс коммуникации в сфере техники, науки. Наука есть система накопленных человечеством знаний об общественных отношениях, о развитии личности, культуре, природе и т.д. Эти знания формируют «тип научного содержания»⁸² в пределах различных научных областей. В. Е. Чернявская даёт следующее определение научному стилю – это «особый способ когнитивных, коммуникативно-речевых действий субъекта, решающего в процессе формулирования текста задачу сообщения нового знания о действительности и доказательства истинности этого знания».⁸³ Своеобразным планом выражения предстаёт научный текст. Создатель нового произведения, имеющего данную коммуникативную установку, осуществляет отбор определенных средств. Основная задача научного стиля была сформулирована Е. С. Троянской. По её мнению, она состоит в «выражении определенных мыслей и суждений по различным научным проблемам в возможно более сжатой и краткой, в большинстве случаев эмоционально нейтральной форме при стремлении избежать категоричности утверждения, однако достаточно объективно, обстоятельно и логично».⁸⁴ Действительно в науке постоянно накапливаются факты, которые находят своё отражение в многочисленных научных понятиях. Решающим для неё является закрепление объективных знаний. Особенности научного мышления создают основу научного стиля, которому свойственен обобщенно-отвлеченный характер.⁸⁵ Тесную связь с данным фактором имеет логичность изложения информации. Логичная подача информации и соответствующее построение текста имеют целью донести те или иные научные сведения.

Так, научному стилю присущ ряд характеристик. Одними из самых важных черт являются абстрактность, логичность мышления, строгость.⁸⁶

⁸²Брандес М. П. Указ. соч.– С. 170.

⁸³Чернявская. В.Е. Указ. соч.– С. 22.

⁸⁴Троянская Е.С. Особенности грамматической синонимии стиля научной речи. НДВШ, Филол. науки, 1969, № 2.– С. 58.

⁸⁵Брандес М. П. Указ. соч.– С. 171.

⁸⁶Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. – М.: 2008.– С. 291.

Следует отметить также такой признак научного стиля как некатегоричность⁸⁷, которая проявляется в обобщенности, точности, доказательности, ясности и в умеренной критике своего оппонента.

Немаловажную роль играет также диалогичность изложения, как «сфокусированная коммуникативная направленность на адресата».⁸⁸ Для каждого научного текста данные стилевые доминанты являются обязательными. Здесь необходимо учитывать так называемые внеязыковые факторы, которые имеют место при создании текстового произведения. Именно они определяют набор релевантных языковых элементов, синтаксических конструкций и других текстовых единиц.

Надо сказать, что научный стиль представлен преимущественно письменными текстами. Так как материалом нашего исследования являются письменное произведение, мы будем более подробно изучать языковые средства и стилеобразующие закономерности, характерные для данного типа текстов.

К синтаксическим особенностям оформления научного текста необходимо отнести наличие сложных предложений, большое количество разнообразных элементов связи (союзы, союзные слова). Подчеркнутая логичность научного стиля связана с «полнооформленностью высказывания».⁸⁹ Здесь следует понимать цельность «грамматического оформления предикативных единиц», которая достигается при помощи использования союзных предложений (чаще всего это союзы со значением причины: weil, da, denn). Именно союзы позволяют более точно передать смысловые и логические отношения между элементами предложения. Для научного текста, написанного на немецком языке, характерно также значительное число многочленных сложных предложений (Satzperiode), компоненты которых (Elementarsätze) связаны между собой логически.

Лексика научного стиля отличается в первую очередь наличием терминов. Их использование объясняется особой спецификой термина. Ему

⁸⁷Там же

⁸⁸Чернявская. В.Е. Указ. соч.– С. 22.

⁸⁹Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Указ. соч.– С. 295.

присущи такие характеристики как точность, однозначность, экономичность. Немецкие исследователи П. Ауэр и Х. Басслер также писали о терминах, как об особом признаке научного стиля: «Über die Unschärfe des Alltagswortschatzes hinausgehende, präzise definierte Fachtermini sind ein besonders markantes Kennzeichen von Wissenschaftstexten. Sie entsprechen den Idealen der Exaktheit, Eindeutigkeit, Kontextunabhängigkeit und evaluativen Neutralität der Wissenschaftssprache». («Специальные термины, выходящие за пределы лексики обиходно – разговорного стиля, являются наиболее характерными признаками научных текстов. Они соответствуют таким стилевым чертам, как точность, однозначность, независимость от контекста и оценочной нейтральности научного языка»). (перевод мой – О. И).⁹⁰ Термин обладает также номинативной функцией и эмоциональной нейтральностью и является более информативным, чем слово. Кроме терминов отвлеченно - обобщенность научного стиля (термин М. Н. Кожина)⁹¹ доказывает использование абстрактных существительных. Например, Wissen, Lehre, Geist. Специфическим признаком научного стиля являются глаголы ментальной деятельности: denken, meinen, glauben, wissen, verstehen. В немецких научных текстах довольно часто встречаются «Streckformen»: eine Mitteilung machen, zum Ausdruck bringen, unter Beweis stellen, Widerspiegelung finden. Наконец, использование композитов является неотъемлемым элементом в научном стиле. Они позволяют представить информацию в более сжатой форме.

Что касается морфологического уровня, то здесь для научного стиля характерно использование пассивных конструкций, номинального стиля, преобладание генерализирующего презенса.

Примечательно также, что многие лингвисты, например Н. Б. Гвишиани пишут, что в научном стиле существует «самостоятельный

⁹⁰ Auer P., Baßler H. Reden und Schreiben in der Wissenschaft. –Campus Verlag, Frankfurt/Main: 2007. S. 13.

⁹¹ Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Указ. соч.– С. 281.

общенаучный язык».⁹² Особую важность в исследовании научной речи представляет также тот факт, что язык научного стиля непосредственно связан с уровнем развития науки в данном обществе, в данной стране. Не последнюю роль играет язык, а также особенности индивидуального стиля создателя текстового произведения. Крайне значимым для нашей работы представляется тот факт, что при анализе научных текстов необходимо учитывать интеллектуальный уровень реципиента.

2.2. Научный дискурс

Текст является базисным компонентом в процессе коммуникации. При анализе текстового целого нельзя не учитывать многие внеязыковые факторы: «социокультурные, коммуникативные, когнитивные».⁹³ Лишь при совокупном рассмотрении экстралингвистических характеристик и языковых факторов будет возможно полное понимание и правильная интерпретация текстового произведения. Применительно к данному вопросу необходимо подробно изучить понятие «дискурс».

«Дискурс» есть довольно многозначное понятие. Интересным представляется одно из его наиболее сложных определений, а именно, понимание дискурса как текста «в неразрывной связи с ситуативным контекстом, определяющим всё то, что существенно для порождения данного высказывания или текста». К этому, разумеется, следует также отнести прагматический аспект и установку автора. Таким образом, дискурс определяет процесс коммуникации, в результате которого образовывается текст. Анализ дискурса имеет своей задачей исследование воздействия различных обстоятельств на формирование «языковых закономерностей»⁹⁴ в данном текстовом произведении.

Немецкий исследователь У. Маас писал, что любой текст рассматривается как отражение совместной речевой деятельности

⁹²Гвишиани Н.Б. Язык научного общения (вопросы методологии). – М.: Высшая школа, 1986.– С. 43.

⁹³Чернявская. В.Е. Указ. соч.– С. 20.

⁹⁴Там же

коллектива.⁹⁵ И с этим нельзя не согласиться, социальная среда, особенности культурного развития общества накладывают определенный отпечаток на текстовое произведение. Более того, анализ дискурса помогает лучше понять особенности эпохи, того времени, когда создавался текст. Данный факт принципиально важен для нашего исследования.

Мы будем рассматривать дискурс как некую общность различных текстов, связанных в смысловом плане, и имеющих сходную авторскую установку. Логично, что в таком случае критериями отнесения того или иного текстового произведения к определенному дискурсу будет сферы коммуникативной деятельности людей. Так как изучаемые нами тексты относятся к сфере научного знания, то отдельного внимания заслуживает рассмотрение научного дискурса.

В. Е. Чернявская пишет о существовании двух подходов к изучению научного дискурса.

Во-первых, понимание научного дискурса как синонимичного понятию «научный текст». Речь в данном случае идет о том, что текст рассматривается в тесной связи с установками автора, с рядом коммуникативно-прагматических задач и целой системой внеязыковых обстоятельств, «надстраивающихся на языковые особенности»⁹⁶.

Во-вторых, научный дискурс можно трактовать как комплекс различных научных текстов, которые репрезентируют результаты процесса научного познания. Научные тексты тесно связаны между собой в семантическом плане. Можно говорить о научном дискурсе как о «языковом корреляте по отношению к научной сфере человеческого сознания и практики».⁹⁷

Особый интерес представляют также исследования научного дискурса Е. В. Михайловой. Вслед за ней мы будем признавать за ним «институциональный статус». Так называемая «личность» также имеет место в научном дискурсе, однако она не выражается ярко. Научному

⁹⁵ Чернявская. В.Е. Указ. соч.— С.21.

⁹⁶ Чернявская. В.Е. Указ. соч.— С.25.

⁹⁷ Там же

дискурсу присущи некоторые характеристики, отличающие его от других типов дискурса. Е. В. Михайлова называет их «конститутивными признаками». Исследовательница выделяет такие признаки как цель, «определенные характеристики типовых участников» и «способ реализации».⁹⁸

Основной задачей научного дискурса является исследование какого-либо научного вопроса. Конечно, можно утверждать, что передача информации также всходит в задачи научного дискурса. Но на самом деле данную цель преследуют главным образом средства массовой информации. Целью же науки является установление истины, разрешение различных проблем, стоящих перед человечеством. Необходимо также тщательно разграничивать от научных произведений тексты, обладающие иной проблематикой. Например, текстовые произведения, ставящие перед собой задачу заинтересовать читателя (научно-популярные тексты), научить чему-то (лекции) и т.д. Несомненно, такие тексты нельзя относить к научному дискурсу. Их можно назвать «пограничными», ведь они также могут быть отнесены и к другим типам дискурса. Мы не случайно затрагиваем здесь эту тему и столь подробно рассматриваем разновидности научных произведений, ведь научный дискурс 18 века имеет ряд особенностей. Вполне вероятно, что материал нашего исследования поможет нам обнаружить некоторые несоответствия общепринятым стандартам современного научного дискурса.

Другой значимой особенностью научного дискурса является диалогичность. Под данным понятием следует понимать процесс постоянного взаимодействия между различными научными текстами. Создатель нового сочинения ссылается на опыт своих предшественников. Диалогичность в текстах научных произведений возникает за счет наличия в них определенной проблемы, требующей решения. Диалог в данном случае есть «глобальная» коммуникация представителей различных научных течений, когда-либо высказывавших свое мнение по данной проблеме.

⁹⁸ Михайлова Е. В. Указ. соч.— С. 73.

Масштабы этого диалогического общения увеличиваются с течением времени, так как растет объем научных знаний. Это общение в рамках научного текста может осуществляться в разных формах: полемика с современниками, диалог с учеными из предшествующих эпох. Диалогическое начало является обязательным признаком научного текста. Если в произведении мы не обнаруживаем этой важной составляющей, мы не вправе отнести данный текст к научному дискурсу. Ведь цель науки – установление истины. А истина, как известно, рождается в споре.

Ещё одной характерной чертой научного дискурса, которую выделяет Е. В. Михайлова, является «статусное равенство участников»⁹⁹. Главная задача научной коммуникации внести вклад в «научную картину мира», которую, по сути, представляет реципиент. Автор научного текста ведет диалог не только с другими учеными, но и с читателем своего произведения. То есть реципиент выступает также и в роле собеседника, партнёра. Создатель текста в свою очередь пытается говорить со своим адресатом на равных.

Равноправие участников научной коммуникации доказывает также тот факт, что нормальный диалог может состояться, если оба коммуниканта имеют одинаковый статус, несмотря на то, что они могут выполнять различные социальные роли (например, автор научного произведения – студент). В рамках научного дискурса данный принцип не может быть нарушен. Иначе текст нельзя будет отнести к научному дискурсу. Если в процессе коммуникации возникают некие иерархические отношения, то текст будет принадлежать другому дискурсу. (Скажем, наличие в тексте отношений типа «начальник-подчиненный», будет относить его к деловому дискурсу.)

Подводя итоги, надо сказать, что научный дискурс представляет собой довольно интересное лингвистическое явление. К нему следует отнести тексты, главной задачей которых является нахождение истины.

⁹⁹ Михайлова Е. В. Указ. соч.– С. 78.

Участники научной коммуникации должны обладать равным статусом и вступать в диалог.

2.3. Особенности немецкого научного дискурса XVIII века

Для того чтобы лучше проанализировать работы И. К. Готшеда, нам необходимо рассмотреть основные черты немецкого научного дискурса той эпохи.

Довольно известным фактом является то, что в немецкой науке XVII века разворачивалась борьба между латынью и родным языком. Так, например, тексты, относившиеся к профессионально-ориентированному дискурсу, писались на немецком языке, на так называемом «Volkssprache». В университетской среде до конца XVII века использовался преимущественно латинский язык. Но уже в этом столетии произошли важные изменения, которые определили дальнейшее развитие немецкого языка.

Одной из главных предпосылок изменений в сфере образования и науки была Тридцатилетняя война. Вследствие тесных контактов с Францией дворянское сословие стало сомневаться в преимуществах существовавших университетских традиций. На место схоластической учености приходит придворное образование, которое считалось более светским и общественно-ориентированным. В связи с этим престижным стал считаться юридический факультет, вытеснив с передних позиций теологический и философский факультеты. В университетах появлялись новые учебные дисциплины: политика, статистика, естественное право. Разумеется, данные обстоятельства обусловили необходимость перехода науки с латыни на немецкий язык.

Одним из первых такое требование выдвинул Г. В. Лейбниц. В научной литературе его часто называют «последним универсальным ученым Германии»¹⁰⁰. Лейбниц обладал незаурядными умственными способностями. Он был юристом, математиком, философом, дипломатом и стал автором

¹⁰⁰ Филиппов К. А., С. Св. Волков С. Св. М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века. Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, И. К. Готтшед: научный доклад. – СПб.: Изд. СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2014. – С.7.

многочисленных научных проектов. Примечательно также, что особый интерес немецкий ученый проявлял к России, считая её «связующим звеном между великими цивилизациями – европейской и азиатской».¹⁰¹ Надо сказать, что судьба родного языка была ему также небезразлична. Однако большинство своих работ Лейбниц писал на латыни или на французском языке. Его труды «Unvorgreifliche Gedanken, betreffend die Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache» и «Ermahnung an die Deutschen», написанные на немецком языке были опубликованы позднее их написания.

В первом упомянутом нами произведении Лейбница, он подчеркивает важность немецкой специализированной литературы, в то же время, указывая на недостаточную развитость немецкого языка науки. Он также отмечал отсутствие в немецком языке обозначений для абстрактных понятий: «Es ereignet sich aber einiger Abgang bei unserer Sprache in den Dingen, so man weder sehen noch fühlen, sondern allein durch Betrachtung erreichen kann: als bei Ausdrückung der Gemütsbewegungen, auch der Tugenden und Laster und vieler Beschaffenheiten, die zur Sittenlehre und Regierungskunst gehören». («В нашем языке, однако, существует недостаток в понятиях, которые описывают то, что нельзя увидеть или почувствовать, но которое можно постичь лишь с помощью умозаключений: как при выражении эмоций, добродетелей, пороков и многих качеств, которые относятся к этике и искусству управления».) (перевод мой – О. И.)¹⁰² Кстати, «Unvorgreifliche Gedanken» начинаются со слов: «Язык есть зеркало разума» («ein Spiegel des Verstandes»). Можно сказать, что данный тезис является основополагающим для понимания взглядов Лейбница касательно языковых проблем. В своём труде Лейбниц рассматривает язык не только как «средство общения», но и как «средство формирования мысли»¹⁰³ Интересно также, что Лейбниц отдаёт слову приоритет перед грамматикой.

¹⁰¹ Филиппов К. А., С. Св. Волков С. Св. Указ. соч. – С. 8.

¹⁰² Schiewe J. Zum Wandel des wissenschaftlichen Diskurses. – Campus Verlag, Frankfurt/Main: 2007. S. 14.

¹⁰³ Филиппов К. А., С. Св. Волков С. Св. Указ. соч. – С. 9.

Так, он сравнивает слова с почвой, из которой выражения прорастают словно зерна: «Der Grund und Boden einer Sprache, so zu reden, sind die Worte, worauf die Redensarten gleichsam als Früchte hervor wachsen.»¹⁰⁴ Не вызывает сомнения, что такое внимание Лейбница к лексике объясняется насущным в ту эпоху вопросом, касающимся становления и упорядочивания словарного состава национального немецкого языка. Он создал необычную для тех времен лексикографическую программу, в соответствии с которой следует классифицировать и кодифицировать словарный состав языка: «... entwirft ein dezidiertes Wörterbuchprogramm, mit dem der Wortschatz gesichtet und kodifiziert werden soll.»¹⁰⁵

Для Лейбница, таким образом, особое значение имело усовершенствование родного языка. «Богатство», «безукоризненность» и «красота» это те идеалы, которые, по мнению немецкого ученого, необходимо достичь в языке. Решающим для научного дискурса стало рассмотрение Лейбницем формирующихся в немецком языке текстовых областей. Попытки языковых обществ, возникших ещё в эпоху Барокко, повлиять на становление немецкого литературного языка посредством создания немецкой поэзии, Лейбниц посчитал недостаточными. Он писал, что решающую роль в данном вопросе будет играть научная проза. По мысли Лейбница, по-настоящему сформировавшимся языком можно с уверенностью считать лишь тот, который «содержит в себе питательные соки непреходящих научных знаний» (Sprache, die den «nährenden Saft der unvergänglichen Wissenschaften in sich habe..»).¹⁰⁶

Говоря о научном дискурсе XVIII века в Германии нельзя не упомянуть другого выдающегося ученого, а именно Христиана фон Вольфа. Он был продолжателем идей Лейбница. Вольф также занимался переводами огромного научного наследия Лейбница на немецкий язык: «благодаря этим «вольфианским переводчикам» (Wolffianische Übersetzer), выражаясь

104¹ Филиппов К. А., С. Св. Волков С. Св. Указ. соч. – С.10.

105¹ Schiewe J. Указ. соч. S. 14.

106¹ Schiewe J. Указ. соч. S. 15.

словами Дитмара Тиля, философия Лейбница в полной мере соответствует авторскому замыслу»¹⁰⁷ Интерес представляет оценка Г. Гейне деятельности Вольфа: «он и нас побудил философствовать на нашем родном языке».¹⁰⁸ Действительно, в результате проделанной Вольфом работы развитие получил научный стиль, началось формирование «метафизического» и философского языка.

Вольф уделял большое внимание языковой проблеме. Он считал, что мысль можно выразить на любом языке. Языковые знаки, как элементы плана выражения, он рассматривает как «произвольные» единицы. Эта свобода в использовании языковых знаков ограничивается лишь тем, что человек не может придумать свои собственные знаки, в которых сочетаются одновременно план выражения и план содержания. Сам язык предоставляет ему огромный выбор этих языковых знаков, которые он усваивает либо как родной язык, либо путем изучения языка как иностранного. Знаки Вольф подразделял на естественные - «natürliche» (например, Feuer) и «auf künstliche Weise geschaffene Zeichen» -знаки, созданные искусственным путем. К последним он относит знаки, обозначающие какие-либо понятия. Важно отметить, что Вольф выделяет 5 ступеней языковой номинации: 1) Вещь, предмет, 2) Называние, 3) Понятие, 4) Отображение понятия, 5) Отраженное понятие. Учение Вольфа оказало также огромное влияние на М. В. Ломоносова.

Последователем Вольфа был И. К. Готшед, писатель, деятель культуры и литературы, один из первых представителей немецкого Просвещения. Важное место в деятельности Готшеда занимала проблема унификации немецкого языка. Художественное мировоззрение писателя было рационалистическим. Готшед боролся с пережитками барочной эпохи, выступал за реформу немецкого театра. В искусстве главными принципами для него были: правдоподобность, простота и понятность. Свои идеи Готшед закрепил написанием классицистической трагедии «Умиравший

¹⁰⁷Филиппов К. А., С. Св. Волков С. Св. Указ. соч.— С.17.

¹⁰⁸Там же

Катон», которая «несмотря на полное отсутствие оригинальности и драматизма, имела большой успех на театре и выдержала 10 изд. — так силен был в то время авторитет Г. и его теории».¹⁰⁹ Довольно значимым для развития немецкой литературы стал спор между Готшедом и цюрихские критиками Брейтингером и Бодмером, который касался теоретических вопросов искусства. Готшед выступал за рационалистическое начало в литературе, в то время как швейцарские деятели искусств ратовали за свободу творчества. В этой полемике Готшед потерпел поражение, его влияние было подорвано критикой со стороны Г. Э. Лессинга, а также деятельностью представителей движения «Буря и натиск».

Примечателен один из фрагментов «Поэзии и правды» И. В. Гёте, в котором он рассказывает о своём визите к Готшеду. Гёте описывает его следующим образом: «...in dem Augenblick trat Gottsched, der große, breite, riesenhafte Mann, in einem gründamastnen, mit rotem Taft gefütterten Schlafrock zur entgegengesetzten Türe herein; aber sein ungeheures Haupt war kahl und ohne Bedeckung».¹¹⁰ («...и в этот момент в комнату вошел Готшед в красном халате на тафтяной подкладке, широкоплечий старик огромного роста, с большой лысиной на непокрытой голове».) (перевод мой – О. И). Как только перепуганный слуга поднёс ему парик, Готшед дал сильную пощёчину лакею, так что он едва не упал. Этот эпизод из жизни Готшедда показывает нам его характер. Видно, что он был человеком, придерживавшимся строгих правил.

Самыми значимыми теоретическими трудами Готшедда являются: «Grundriß zu einer vernunftmäßigen Redekunst» (1729), «Versuch einer critischen Dichtkunst vor die Deutschen» (1730), «Ausführliche Redekunst» (1736).

¹⁰⁹Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. –URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 08.04.16)

¹¹⁰Goethe J. W. Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit (Siebentes Buch). URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe.+Johann+Wolfgang/Autobiographisches/Aus+meinem+Leben.+Dichtung+und+Wahrheit/Zweiter+Teil/Siebentes+Buch> (дата обращения: 08.04. 16)

Выводы к главе 2

1. Научный стиль используется в сфере человеческой деятельности, цель которой состоит в получении, обработке и интерпретации объективных знаний об окружающем мире. Специфика научного мышления обуславливает выбор языкового материала, необходимого для вербализации накопленных знаний. Языковые особенности научного стиля проявляются на лексическом, синтаксическом и морфологическом уровнях.

2. Рассмотрение научного текста неразрывно связано с анализом самого научного дискурса. Этот факт объясняется тем, что текстовое произведение необходимо изучать, учитывая коммуникативные установки автора, его точку зрения, взаимодействие с реципиентом. Сюда можно отнести и внеязыковые особенности, которые также влияют на содержание и качество текста. Научный дискурс представляет собой совокупность различных текстов, которые связаны единой тематикой и вербализуют полученные в результате процесса познания научные сведения. Отличие научного от других типов дискурса состоит в том, что он предполагает некое соответствие уровня знаний реципиента и создателя научного труда. В этом проявляется принцип «статусного равенства участников».¹¹¹ Важным признаком научного дискурса также выступает диалогичность. В своей работе автор ведет диалог с другими учеными, с читателем.

3. При исследовании текста И. К. Готшеда мы будем принимать во внимание специфику научного дискурса XVIII век, а также социокультурные особенности той эпохи. И. К. Готшед внёс значительный вклад в становление немецкого научного дискурса и в упорядочение немецкого литературного языка. Он опирался на результаты трудов своих предшественников Г. В. Лейбница и Х. ф. Вольфа. Деятельность этих ученых существенно повлияла на дальнейшее развитие немецкого языка, а также на лингвистическую мысль XVIII века.

¹¹¹ Михайлова Е. В. Указ. соч.– С. 78.

Глава 3: Анализ межтекстовых связей в трактате И. К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst»

Интертекстуальность необходимо рассматривать как одновременное присутствие в одном текстовом произведении нескольких текстов. Однако важно учитывать, что для явления интертекстуальности большую роль играет факт наличия единого текстового пространства. Ведь только в этом случае можно будет пронаблюдать способность текстов «свободно проникать друг в друга». ¹¹²

В наши задачи входят выявление и анализ межтекстовых связей с точки зрения лингвистики. Разумеется, мы не можем не учитывать литературоведческую и культурологическую сторону, однако им будет уделено меньшее внимание. Используя материал, представленный в предшествующих главах, мы постараемся разработать план, по которому мы будем осуществлять анализ интертекстуальности в произведениях И. К. Готшеда.

Релевантной для данного исследования представляется концепция Е. В. Михайловой, которую она представляет в виде «трехсторонней модели: I - автор, включающий в создаваемый им текст заимствованный элемент; II -

¹¹² Михайлова Е. В. Указ. соч.– С.61.

сам текст; III - адресат, воспринимающая сторона». Так, мы будем осуществлять анализ согласно этим коммуникативным полям.

3.1. Автор как главный компонент интертекстуальной ситуации

В данном разделе мы рассмотрим коммуникативное поле автора, который включает в свой текст фрагменты из различных произведений. Интертекстуальные отрывки выполняют в тексте определенные функции, которыми писатель их наделяет. Мы будем исследовать только те заимствования, которые были осуществлены автором намеренно. В теоретической главе были представлены функции, присущие интертекстуальности. Теперь мы проиллюстрируем данный материал на конкретных примерах. Обратимся к трактату И. К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst». Примеры мы будем упорядочивать в соответствии с главами, в которых они представлены: Правописание, Семантика, Построение речи, Просодика.

3.1.1. Правописание

В первой главе данного раздела, Готшед рассуждает о природе немецкого звука Y и ссылается на немецкого религиозного поэта Отфрида:

(1)«Allein wenn wir etwas genauere in unser Alterthum gehen: so finden wir, daß schon Otfried in der Vorrede zu seinen Evangelien gedenket: daß er sich dieses Buchstabs zuerst bedienet habe, einen ganz andern deutschen Tonauszudrucken. Er schreibt: INTERDUM VERO, UBI NEC a, NEC e, NEC i, NEC u, VOCALIUM, NB. SONOS PRÆCAUERE POTUI, IBI y GRÆCUM MIHI VIDEBATUR ADSCRIBI. ET ETIAM HOC ELEMENTUM LINGUA HÆC HORRESCIT INTERDUM, NULLI SE CHARACTERI, ALIQUOTIES IN QUODAM SONO, NISI DIFFICILE JUNGENS. Wollen wir nun richtig urtheilen, so müssen wir unser y gar nicht für ein griechisches Y v ausgeben, sondern es für einen ursprünglich deutschen Buchstab halten, der seinen eigenen Laut hat. Was das nun für einer sey, können

uns theils die alten Gothen im Evangelio des Ulfila, theils unsere altfränkischen deutschen Handschriften, theils unsere Nachbarn, die Holländer und Engländer, lehren.» (S. 75)

В данном случае цитата выполняет апеллятивная функция, согласно которой автор апеллирует к авторитетному мнению, а именно к точке зрения первого немецкого поэта, известного нам по имени, чтобы сформировать базис, на котором будет строиться его собственное исследование. Готшед, используя косвенную речь, говорит, что Отфрид, создавая свои произведения, пользовался буквой Y, однако для выражения другого звука. Далее следует цитата на латыни, которая представлена в тексте трактата без перевода и конкретного указания на произведения монаха Вейсенбургского монастыря. После этого Готшед делает вывод, что букву Y следует считать исконно немецкой, а не греческой. Этой букве присуща особая звуковая оболочка. Примечательно, что Готшед ссылается также на текст Евангелия Вульфилы и на рукописи, написанные на древнефранкском языке. Делает он так для того, чтобы указать читателю на источник, в котором можно подробнее познакомиться с тем, как именно произносился звук Y. Нельзя не отметить, что интертекстуальные заимствования из авторитетных источников выступают в качестве доказательства точки зрения немецкого писателя. Приведенный отрывок представляется нам интересным, так как в нем мы наблюдаем переплетение сразу нескольких эпох: IV, IX, XVIII веков.

Во втором разделе речь идет об общих орфографических правилах в слогах и словах. В виде косвенной речи немецкий философ приводит факты, касающиеся возможностей буквенных сочетаний в немецком языке.

(2) «Laurenberg hat behauptet, die deutschen 24 Buchstaben ließen sich 620, 148'', 397, 827', 051, 993 mal verwandeln oder versetzen. Aber Leibnitz hat gewiesen, daß sowohl derselbe, als Clavius, Puteanus, und Henr. von Etten, die noch andere Zahlen davon angegeben, gar zu kleine Rechnungen gemachet; indem die wahre Zahl aller möglichen Versetzungen des Alphabets sich auf 620, 448'', 401,

733; 239, 439; 360, 000 beläuft. Doch ein anderes sind Versetzungen, ein anders sind Syllben und Wörter, die sich aussprechen lassen.» (S. 100)

Здесь интертекстуальное заимствование выполняет информативную функцию. Немецкий философ знакомит читателя с занимательными фактами, ссылаясь на исследования крупных немецких ученых.

Обратимся ещё к одному фрагменту. В третьем разделе изложены правила, касающиеся употребления различных немецких букв. Согласно Готшеду «h» следует писать для того, чтобы отразить на письме долготу гласного, в остальных случаях её использование не является обязательным. В сносках он также отмечает важность языковой традиции. Например, любой носитель немецкого языка очень удивится, увидев подобное написание: «Die Gefar ist nicht mer zu vermeiden» или «Du wirst mit deiner Lere sehr kal bestehen». (S. 137). Опираясь на данные примеры, Готшед выдвигает тезис о том, что «...языковая привычка порой выступает как тиран, которому должно подчиняться» («...in Sprachen sey die Gewohnheit oftmals ein Tyrann, dem man folgen müsse»). (перевод мой – О. И.) (S. 137).

Далее следует фрагмент из произведения Горация:

(3) «*H o r a z s a g e t :*

SI VOLET USUS,

QUEM PENES ARBITRIUM EST; ET VIS ET NORMA LOQUENDI.»

(S.137)

(«Если этого требует обычай, то именно он властвует над языком») (перевод мой – О. И.).

В данном случае Готшед цитирует Горация, чтобы доказать свой тезис.

Здесь цитата выполняет апеллятивную функцию.

Такую же функциональную направленность имеет следующая цитата:

(4) «*HIC ANIMIS OPUS, AENEAE, EST, HIC PECTORE FIRMO!* » (S.

137)

(«Эней, настал миг проявить свою храбрость и бесстрашное сердце») (перевод мой – О. И.).

Готшед не называет имя автора данного высказывания. Однако по имени героя, упоминаемого в этом фрагменте, можно определить, что это слова из поэмы Вергилия «Энеида». По словам Готшеда, будто бы сам Вергилий советует ему не полагаться всецело на авторитетность традиции. Но немецкий писатель указывает на свою скромность, а также ссылается «в своё оправдание» («zu meiner Rechtfertigung») на Квинтилиана, который также придавал языковому обычаю в латинском языке большой вес. Готшед, кроме того, утверждает, что он не отважится противостоять всей нации («Kühner mag ich nicht seyn, einer ganzen Nation zu widersprechen») (S. 137). Нельзя с абсолютной уверенностью сказать, почему автор трактата прибегает к цитате из произведения Вергилия, по сути, никак не связанной с языковыми вопросами. Можно предположить, что данная цитата выполняет декоративную функцию. Вероятно, автор хотел прибавить тексту выразительности. Однако это можно объяснить и тем, что классицизм опирался на античную традицию, и больше всего на эстетику эпохи эллинизма. В то время зарождается так называемая Александрийская школа, основными идеалами которой являлась точность формы, грамотность и ученость. Грамматики, литераторы, поэты и филологи эллинистической эпохи пытались превзойти друг друга и постоянно соревновались в своих знаниях. Можно даже говорить об «эллинистическом индивидуализме», заключавшемся в самоутверждении «ученой» личности. Не исключено, что Готшед следует именно этим идеалам и старается показать читателю свою ученость. В любом случае данная цитата придает тексту нечто особенное, формирует стиль автора.

3.1.2. Семантика

В разделе, посвященном изучению частей речи, Готшед ведет разговор об их классификации в немецком языке. Учёный настаивает на том, что в его родном языке существует девять частей речи. Однако он указывает на то, что школьникам можно рассказывать лишь о трех, чтобы тем легче было их запомнить. Здесь же Готшед делает сноску, в которой пишет о

неких людях, кто относят существительные и местоимения к одному классу, и не видят между ними особого различия («...keinen vernünftigen Unterschied einsehen...») (S. 195). Он утверждает, что если бы они учили латынь по грамматикам, а не просто устно, как предлагает Ноэль Антуан Плюше, то этого бы не произошло. Несмотря на то, что отношение самого автора к этой проблеме не высказано прямо, читатель сразу понимает, что Готшед критикует подход к устному изучению латыни, так как он не дает полного представления о языке и его структуре. В данном случае именная и титульная ссылки:

(5) «...Hr. *PLUCHE* in seiner *MECANIQUE DES LANGUES...*» (S. 195)

выполняют апеллятивную функцию, отсылая читателя к произведению, подтверждающему существование такого подхода. Возможно, мы также имеем право говорить об оценочной функции. Так, Готшед косвенно выражает свое неодобрение теории, представленной в тексте Плюше.

Обратимся к той части трактата, где Готшед рассуждает о роде существительных, который существенно варьируется в разных диалектах. Немецкий писатель выступает за создание свода правил, которые будут способствовать дальнейшей унификации. В то же время он пишет, что его соотечественникам необходимо предоставить свободный выбор языка, на котором они хотят говорить. Здесь Готшед делает сноску, в которой ссылается на немецких ученых Иоганна Клая и Олингера:

(6)«*Schon Ölinger und Clajus haben sich bey nahe vor 200 Jahren bemühet, Regeln davon zu geben; die aber sehr vielfältig, und schwer zu behalten sind.*» (S. 267)

Можно утверждать, что данная именная ссылка выполняет с одной стороны информативную функцию, так как автор трактата представляет важные для читателя сведения в максимально сжатой форме. Приведенной ссылке присуща также апеллятивная функция, потому что, указывая на труды своих предшественников, Готшед, показывает, что он хорошо знаком с текстами Олингера и Клая и на их основе попытается выработать свои

собственные правила. Наконец, ещё одна функция, которую выполняет именная ссылка, является оценка. Готшед отмечает многообразие правил, выработанных грамматистами, но в то же время пишет, что их тяжело запомнить. На данном примере мы убедились, что один интертекстуальный элемент может выполнять в тексте сразу несколько функций.

В разделе о сравнительных степенях прилагательного Готшед затрагивает вопрос о целесообразности совместного использования слов, которые являются противоположными по смыслу. Немецкий ученый пишет о том, что подобных сочетаний лучше избегать («abscheulich gelehrt; grausam beliebt») (S. 313). Тут же он делает сноску, в которой ссылается на Б. Г. Брокеса и его произведение «Страсти» (оригинальное название: «Der für die Sünde der Welt gemarterte und sterbende Jesus»):

(7)«Brokes hat diesen Ausdruck in seiner Paßion gebraucht, und einige haben wunder! was schönes darinn finden wollen. Aber ohne Grund. Denn solche Zusätze von Nebenwörtern, bestimmen nicht den Verstand des Hauptwortes, sondern des nächst dabeystehenden Beywortes» (S. 314).

Нет сомнения в том, что Готшед критикует использование немецким поэтом подобных выражений в своём произведении. На это указывает высказывание автора трактата «Aber ohne Grund», что свидетельствует о категорическом несогласии Готшеда с допущением подобных языковых вольностей, которые к тому же могут исказить смысл высказывания. Кроме того, мы видим, что немецкий философ использует восклицательный знак в неподобающем месте, то есть после слова wunder. Тем самым автор подчеркивает свое негодование и в то же время демонстрирует непонимание того, как можно видеть в употреблении подобных языковых выражений что-то прекрасное. Так, Готшед вступает в полемику с Брокесом, и одновременно подкрепляет свою позицию. Приведенные им титульная и именная ссылки выполняют оценочную функцию. Нельзя не отметить, что, вероятно, подобное отношение Готшеда к работам своего предшественника связано с культурными особенностями двух разных эпох. Брокес был поэтом

и языковедом эпохи барокко. Как мы знаем, классицизм не принимал отжившие своё идеалы «причудливой» барочной эпохи.

Обратимся к пятому разделу, посвященному местоимениям. Готшед отмечает, что древние римляне и греки, а также древние германцы использовали местоимения при обращении к кому-либо «в их естественном значении» («in ihrer natürlichen Bedeutung») (S. 327), то есть они обращались на «Ты» к тем, кого они почитали. Далее он приводит примеры, которые, были взяты им из античных произведений. Однако он не упоминает их названий и авторов. При переводе на родной язык Готшед советует сохранять данный вид обращения. В сноске к данному абзацу немецкий философ ссылается на своих предшественников, которые осуществляли переводы античной литературы на немецкий язык. Среди них рыцарь Ганс фон Шварценберг, переводивший Цезаря, и франкский хронист Нитхард, известный своими переводами Теренция. Переводя произведения древних авторов, они оставляли исходный вариант, то есть обращение «Du». Данные именные ссылки выполняют в тексте трактата апеллятивную функцию, так как Готшед обращается к ним, чтобы аргументировать своё мнение, и, более того, обосновать выдвинутый им тезис.

Здесь же Готшед приводит в пример немецкого писателя (8) *Йоханнеса Сарториуса*. Он переводил «Письма Плиния Младшего», и заменял местоимение «Du» на «Er». Готшед повторяет, что подобная замена вовсе необязательна, так как «из уст древних это будет звучать смехотворно и снижать их речь» (перевод мой) («in dem Munde der Alten nur lächerlich klingen, und ihre Rede entkräften»). (S. 327). В данном случае мы вновь видим, что Готшед апеллирует к произведению своего современника, чтобы высказать своё несогласие с позицией последнего. Это дает нам право говорить, что именная ссылка также выполняет оценочную функцию.

В этом же разделе Готшед пишет о взаимных местоимениях и указывает на то, что нельзя в третьем лице единственного числа употреблять: «sie haben das von sich selbst gethan: nicht von ihnen selbst» (S. 338). В сноске к данному параграфу Готшед цитирует Лютера, который, по

его мнению, допускал ошибки, употребляя местоимение «ihm». Немецкий философ вступает в спор с богословом и исправляет этот «недочет»:

(9)«*Unser keiner stirbt sich selber etc. sollte es heißen.*» (S. 342).

Здесь мы видим такой вид интертекстуальности, как трансформирующий, который подразумевает, что текст-источник преобразовывается и в новом виде вставляется в новое текстовое произведение. Именная ссылка на Лютера и на его тексты, а также цитата из Библии, переведенной христианским богословом, выполняют в тексте научного сочинения оценочную функцию. Готшед, вводя в текст данный фрагмент, преследует цель доказать сформулированное им правило и высказать свое критическое отношение к ошибочному употреблению местоимений. Более того, на несогласие Готшеда с выбором Лютера указывает выражение «ganz unrecht», имеющее отрицательную окраску.

Сразу после этого примера Готшед упоминает М. Опица. Философ полагает, что он также совершил ошибку, употребляя «ihm» вместо «sich». Готшед приводит цитату из оды написанной Опицем в честь польского короля Владислава IV:

(10)«*daß ihm der Ackersmann*

Zur Ärnste keinen Trost noch Hoffnung machen kann.» (S. 342)

Далее Готшед исправляет допущенную своим предшественником ошибку: «daß sich der Ackersmann». Заметим, что в тексте трактата также есть упоминание о том, что некоторые земляки Опица часто употребляли «itzo», что представляется Готшеду ошибочным. Это доказывают глаголы с одинаковой семантикой, которые использует немецкий философ: «straucheln» («спотыкаться, оступаться») и «hat gefehlet» («ошибался»). Так, мы видим, что перед нами вновь критическая разновидность оценочной функции, которую выполняет цитата из произведения Опица.

Рассмотрим раздел, посвященный исследованию наречий. В параграфе, в котором Готшед рассуждает о наречиях-композиатах, он говорит, что иногда данные слова могут состоять из трех или четырех элементов («meinet-wegen, hin-unter-wärts, irgend-wo-hin») (S. 433). Однако при создании новых сложных слов необходимо руководствоваться

правилами и чувством меры, считает немецкий философ. В сноске к этим замечаниям он пишет о так называемых «чудовищах» («*Misgeburten*») (перевод мой – О. И.), которые встречаются в документах различных канцелярий, а также отчасти в *(11) Регенбургской рукописи*. Так, мы вновь видим титульную ссылку, выполняющую в тексте трактата апеллятивную функцию. Готшед использует ссылки на хронику и документы канцелярий, чтобы показать читателю, где он может обнаружить неразумно составленные композиты и, кроме того, чтобы аргументировать свои доводы по поводу сложных наречий. Причину подобного пристрастия канцелярий к сложным словам Готшед видит в романских пережитках. Далее он цитирует Горация, вслед за ним называя подобные выражения «фесцининскими лицензиями». Более того, немецкий философ приводит цитату из текста Горация:

(12) «MANENTQUE ADHUC VESTIGIA RURIS!» (S. 444)

(«И поныне остаются следы деревни».) (перевод мой – О. И.)

Цитата в данном случае никак не маркируется автором трактата, лишь по логике и при помощи дополнительных источников мы устанавливаем её принадлежность перу римского поэта. Готшед вступает в диалог с Горацием, как бы отвечая ему:

(13) «RISUM TENEATIS AMICI!» (S. 444)

(«Друзья, остается лишь сдерживать смех!») (перевод мой – О. И.)

В данном случае мы вновь видим, как Готшеду удается соединить в своём произведении две хронологически далекие друг от друга эпохи. Немецкий философ будто ведет беседу с Горацием, одновременно вовлекая в неё читателя. Здесь мы наблюдаем проявление значимого признака научного дискурса, о котором мы говорили в предыдущей главе, а именно «статусное равенство участников»¹¹³ - автора, читателя и создателя текста-источника. Проявление уважения автора научного труда к своему читателю мы видим в использовании Готшедом обращения «*Amici*» («друзья»), которое столь часто встречается в произведениях других римских авторов.

¹¹³ Михайлова Е.В. Указ. соч.– С. 78.

Нельзя не отметить, что вышеприведенному отрывку присуща такая стилевая черта как ироничность. Готшед замечает, что служащие канцелярий, пытаясь придать своим текстам большее значение и добиться того, чтобы в глазах своих читателей выглядеть более начитанными и учеными, используют сложные конструкции и слова, что, по мнению, Готшеда достойно лишь смеха. Функцию данной цитаты можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, она введена Готшедом в текст, чтобы аргументировать своё мнение, сославшись на авторитетную точку зрения римского писателя. В таком случае перед нами апеллятивная разновидность референционной функции. Но, нельзя не отметить, что данная цитата призвана также «украсить» текст, сделать его интереснее для читателя, придать изложению грамматических правил нечто особое. Следовательно, ещё одна функция, которую выполняет цитата из произведения Горация, декоративная.

3.1.3. Построение речи

Раздел о сочетании существительного и прилагательного начинается с цитаты Опица:

(14) «Liebe, wer sich selber haßt! / Aber wer sein gutes Leben / Will der freyen Ruh ergeben/Reißt sich von der argen Last, / Suchet für das süße Leiden, / Felder, Wild, Gebüsch und Heiden.» (S. 475)

Вводя данную цитату в свое произведения, Готшед аргументирует тезис, что, если при существительном есть прилагательное, то оно совпадает с ним в роде, числе и падеже. Как мы видим, почти в каждой строчке отрывка из стихотворения Опица есть прилагательное, согласованное с существительным. Можно говорить о том, что данная цитата играет здесь роль аргумента. Уточним, что в вышеупомянутых примерах, цитаты, если они приводились в качестве доказательства, подтверждали какую – либо точку зрения Готшеда, как бы являлись базисом для его рассуждений. В данном случае тип межтекстовой связи - цитата не просто доказывает мысль немецкого лингвиста, но и служит языковым

материалом, с помощью которого Готшед иллюстрирует сформулированное им правило.

Кроме того, можно предположить, что эта цитата выполняет декоративную функцию. Такое впечатление создается за счёт того, что она вынесена в начало раздела. Особый тон дальнейшим размышлениям задает также философская тематика данного отрывка. Цитата придает тексту индивидуальную особенность, а также помогает заинтересовать читателя в дальнейшем изложении фактов, касающихся грамматики немецкого языка.

Обратимся к разделу, в котором Готшед рассуждает о местоименных сочетаниях. Он формулирует правило, согласно которому местоимение *ich* иногда может выполнять в тексте функции подлежащего. Сразу после данного тезиса следует цитата Опица:

*(15) Mein halbes I c h und ganzer Sinn,
Sammt dem ich in Gesellschaft bin. (S. 501)*

Приведенная в данном случае цитата также играет роль аргумента в тексте. Нельзя не отметить, что Готшед чаще всего выбирает законченные высказывания, несущие философский смысл. Здесь же Готшед рассматривает ещё один отрывок из стихотворного произведения Опица:

*(16) Die erste Welt, die hat das Feld nicht können bauen,
Den Weinstock nicht gekannt, kein Gold gewußt zu hauen.
Kein Schiff zur See gebracht, gehabt kein M i r und D i r etc (S. 501)*

Этот пример является довольно интересным. Мы уже убедились в том, что Готшед обычно критикует мнения своих оппонентов в довольно строгой форме. Однако в данном случае несогласие автора исследуемого научного сочинения с употребленной формой местоимения выражается мягко, при помощи использования придаточного уступительного, которое вводится союзом *wiewohl*, обладающего в современном немецком языке возвышенной коннотацией: «*Wiewohl man dafür itzo lieber das Mein und Dein zu sagen pflegt*». (S. 500). Подобное употребление можно объяснить глубоким чувством уважения, которое питает Готшед к Опицу и его произведениям. Сомнения однако не вызывает тот факт, что данная цитата выполняет в тексте оценочную функцию.

В одной из сносок в разделе, посвященном правильному употреблению причастий, Готшед приводит цитату переводчика Никласа фон Виле:

(17)«*Man müsse das lateinische SENES AMANTES VIDI PERMULTOS, AMATUM NULLUM, so verdeutschen: ich habe gesehen viel liebhabend Mann, aber liebgehapt keinen...*» (S. 555)

После данной цитаты Готшед восклицает: «Vortrefflich!». Подобное эмоциональное высказывание, обладающее мелиоративной коннотацией, говорит нам о том, что в данном случае цитата выполняет эмпатическую функции. Надо сказать, что такой вид оценки встречается гораздо реже, чем её критическая разновидность.

В разделе, посвященном исследованию употребления причастий, Готшед вновь обращается к цитате из произведения Опица, посредством которой он иллюстрирует названное им правило, касающееся правильного употребления причастий в предложении:

(18)«*Der schwatze Schäfer steht bey einer hohen Linde, Gelehnet auf den Stab*». (S. 554)

Готшед исправляет немецкого поэта:

«*gleichwohl hätte es noch besser so stehen mögen: Auf seinen Stab gelehnt*». (S. 554)

В данном случае цитата выполняет оценочную функцию, потому что она приводится для обоснования Готшедом своего мнения.

В сноске к данному параграфу Готшед вновь упоминает Вольфа («*gelehrter von Adel aus Schlesien*»), который критически относился к подобному употреблению причастий в текстах Опица. Однако названия произведения, в котором Вольф пишет об этом, Готшед не указывает. Вновь возникает сомнение, можно ли считать «*gelehrter von Adel aus Schlesien*» именной ссылкой, ведь точное указание на имя автора в тексте не представлено. Более того, в современных научных текстах подобные отсылки вовсе не допускаются. Однако мы считаем, что это именная ссылка. Немецкий писатель прибегает к перифразу, так как уверен, что читатель без труда поймет о ком идет речь.

Свое отношение к Опицу Готшед сравнивает с тем, как Квинтилиан относится к Квинту Эннию:

(19) «*Ennium, SICUT SACROS VETUSTATE LUCOS, ADOREMUS: IN QUIBUS GRANDIA & ANTIQUA ROBORA JAM NON TANTAM HABENT SPECIEM, QUANTAM RELIGIONEM. L.X. C. 1. ED. GRYPH. LUGD. 1549. in 8. P.M. 511.*» (S. 555).

Данная цитата показывает, каким статусом наделяли себя ученые в XVIII веке. Готшед ставит себя и Опица в один ряд с Квинтилианом и Эннием. Сейчас трудно было бы представить, чтобы автор того или иного научного труда считал себя равным древним авторам. Разумеется, это не отменяет важность такого признака научного дискурса, как равноправие участников. Однако стоит отметить, что авторы современных научных произведений в большей степени придерживаются объективности, а также более скромно представляют в тексте свою персону. Приведенный Готшедом фрагмент выполняет в трактате декоративную функцию, придает изложению особый характер.

Теперь рассмотрим раздел, в котором Готшед пишет о сочетаемости наречий. Одно из правил гласит, что двойное отрицание, ранее используемое многими писателями, надлежит искоренить из языка. Как мы уже заметили, говоря о том или ином грамматическом правиле, Готшед сначала приводит свои собственные примеры, затем обращается к произведениям других авторов. Так же он поступает и в этот раз. Вновь он обращается к фрагменту из стихотворения Опица, в котором используется двойное отрицание.

(20) «*Zwar eine stolze Feder
Ein Ring, ein güldnes Schwert, und auch ein güldnes Leder,
Schmeißt k e i n e Feinde n i c h t.*» (S. 556)

Эту цитату автор трактата выбирает с целью показать читателю пример не совсем корректного использования, а также подтвердить своё замечание о том, что ранее форма двойного отрицания широко использовалась. Так, данный интертекстуальный фрагмент можно охарактеризовать как цитату-аргумент.

Обратимся к примерам из раздела о междометиях. Готшед пишет, что в некоторых диалектах Германии существует большое количество междометий. По его мнению, не следует злоупотреблять ими в письменной речи. Здесь немецкий писатель предупреждает читателя об опасности чрезмерного использования в речи новых союзов и междометий, которые зачастую имеют иностранное происхождение. Далее следует цитата:

(21) «*Da diese Schreibesucht
Der Sprache Zierlichkeit wird wieder in die Flucht
Verjagen, wie zuvor.*» (S. 597)

В данном случае Готшед указывает, что автором этих строк является Опиц. Автор трактата обращается к его стихотворному произведению, чтобы аргументировать свою точку зрения, следовательно, интертекстуальный отрывок выполняет апеллятивную функцию. Нельзя также не отметить, что данная цитата завершает раздел, посвященный междометиям. Ему, таким образом, присуща декоративная функция. Цитата из произведения Опица как бы подводит итог сказанному, вновь заставляет читателя задуматься над общими вопросами, связанными с языком, а также расширяет границы произведения.

3.1.4. Просодика

Готшед утверждает, что от учения о языке нельзя отрывать его часть, то есть просодику. К этому тезису он делает сноску, в которой вновь ссылается на Квинтилиана:

(22) «*TUM NEC CITRA MUSICEN GRAMMATICAE POTEST ESSE
PERFECTA, CUM EI DE METRIS RHYTHMISQUE DICENDUM
SIT.*» («Грамматика без музыки не может быть совершенна, потому что она должна также изучать метры и ритмы».) (перевод мой – О. И.).

Цитата из «Риторических наставлений» Квинтилиана выполняет в тексте апеллятивную функцию. Готшед обращается к фрагменту из произведения римского писателя, чтобы обосновать свою точку зрения. Примечательно также, что, вводя этот интертекстуальный отрывок Готшед,

указывает главу «Риторических наставлений», откуда он заимствовал цитату.

Готшеда тревожит, что современные ему поэты забывают о традициях своих предшественников. Поэзия, как он пишет, утрачивает свою силу. А некоторые стихотворения вообще напоминают прозаические произведения. Готшед вновь ссылается на Горация:

(23) «*UT GRATAS INTER MENSAS SYMPHONIA DISCORS,
UNGUENTUM CRASSUM, ET SARDO CUM MELLE PAPAVER,
INGRATUM EST; POTERAT QUIA DUCI CÆNA SINE ISTIS:
SIC ANIMIS FACTUM, NATUMQUE POEMA JUVANDIS,
SI PAULLUM A SUMMO DEFLECTIT, VERGIT AD IMUM.* » (S. 633)

(«Как за приятной трапезой симфония в полном разладе,
Мак на Сардинском меду и старый елей бездыханный
Только бесят, затем, что без них бы мог ужин продлиться.
Так и стихи, сочиненные с целью доставить приятность,
Чуть не дошли до высокого, в низкое тотчас впадают»). (Перевод

А. А. Фета)

Этот интертекстуальный отрывок выполняет в сочинении Готшеда апеллятивную и декоративную функции. Немецкий философ обращается к авторитетным источникам, чтобы аргументировать свою точку зрения, а также указать на то, что эта проблема является непреходящей. Уже во времена Горация существовали поэты, писавшие лишь ради развлечения, а не ради высокого искусства. Готшед указывает и автора цитаты, и название труда, из которого она была заимствована. Здесь речь идет о работе Горация «О поэтическом искусстве».

Готшед считает библейские псалмы образцом поэтического искусства. Он сравнивает их с произведениями Отфрида. Готтшед критикует монаха Вейсенбургского монастыря, за то, что тот иногда неправильно высчитывает слоги и смешивает ямб и хорей. Так, именная ссылка на труды Отфрида выполняет оценочную функцию. Примечательно, что в сноске Готтшед приводит слова самого Отфрида, которые он написал в предисловии к Евангелию:

(24) «*NON QUO SERIES SCRIPTIONIS HUIUS METRICA SIT
SUBTILITATE CONSTRICTA.*» (S. 660)

(«Нельзя сказать, что поток этой речи является метрической тонкостью») (перевод мой – О. И.).

Можно предположить, что Готшед вставляет в текст трактата данную цитату, чтобы аргументировать своё мнение, а также в некотором роде обосновать своё критическое отношение к стихотворному произведению Отфрида. Далее немецкий философ рассуждает над тем, что в случае Отфрида речь скорее об умениях поэта, а не о каких-то специальных знаниях. Готшед вновь приводит фрагмент из произведения Отфрида:

(25) *«Ist es prosa schlechte / Das erquicket dich recht / Oder METRA kleine / Da ist der Gaum viel reiner / Sie thun es viel süßer / Ja messen sie die Füße, / Die Länge und die Kürze / Daß es lustiger würde / Eigen sie es bedenken / Daß Syllben nicht wanken, / Sie alles fast nicht achten / Wo sie nicht Füße suchen.» (S. 660)*

Данная цитата выполняет экспланативную функцию. Готшед обращается к ней, чтобы объяснить читателю принципы стихосложения. Готшед приводит ещё одно имя, которое сыграло важную роль в становлении немецкой просодики. В данном случае немецкий философ называет и самого автора, и его произведение, а также предоставляет информацию о самой рукописи. Исходя из этого, мы можем определить это как библиографическую ссылку. По словам Готшеда, Никлас Иерошим в предисловии к своей Прусской рукописи излагает свод правил, которыми он руководствуются при её создании.

(26) *«Ouch des Tichters Zunge / An der Materien Straße / Soll die rechte Maße, / Gehaltin an den rymen /Glich zu glichen lymen /In lenge sine Lute /Das sich alles betute / Viel Worte man glich schribe / Der Lute unglich blibet.» (S. 641)*

Готшед использует данный интертекстуальный фрагмент в качестве примера. То есть цитата служит своего рода доказательным материалом. Немецкий философ также пишет о том, что у Иерошима чередуется ямбы и хорей.

В данном разделе Готшед ссылается ещё на нескольких поэтов. Однако мы не будем останавливаться на них, так как, в общем, цитаты из

стихотворных произведений вводятся в текст по единообразной модели: имя автора, краткая биографическая информация о нём и сам интертекстуальный отрывок. Цитаты, представленные в тексте трактата, таким образом, выполняют функцию примеров, на которых немецкий философ показывает процесс становления немецкого просодического учения.

В ходе анализа функциональной направленности интертекстуальных отрывков в тексте Готшеда, мы пришли следующим выводам:

- Один фрагмент может выполнять сразу несколько функций: апеллятивную и оценочную (см. пример № 5); апеллятивная и декоративная (примеры № 12, 13).

- Цитаты или ссылки, которые можно отнести к одному блоку, например, произведения античных авторов, выполняют в тексте этикетную функцию (примеры № 3, 4, 12, 13). Они позволяют определить принадлежность писателя к какому-то научному направлению. Понять это можно благодаря упоминаниям создателем текста тех авторов, которых он считает авторитетными. Мы предполагаем, что даже, если читатель не знал бы, что Готшед являлся теоретиком немецкого классицизма, то ознакомившись с его трудом, он смог бы понять в каком направлении работал немецкий писатель. В этом бы помогли многочисленные упоминания античных авторов и почтительное отношение к ним создателя трактата «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst».

3. 2. Текст как объект интертекстуального включения

Текст является второй составляющей интертекстуальной ситуации. Мы будем исследовать текст с точки зрения трех аспектов: источник заимствования, объект заимствования и способ реализации интертекстуального фрагмента в произведении. Объект заимствования представляет собой либо некое выразительное высказывание (мысль, изречение), к которому автор обращается, чтобы придать нечто особое, либо способ аргументации, то есть информацию, которая служит в тексте

доказательной базой. Под способом реализации мы понимаем виды межтекстовых связей. Кроме того, мы будем уделять внимание маркированности интертекстуального фрагмента, а также способу его введения в текст.

3.2.1. Семантика

Продолжая размышления об использовании местоимений Готшед, приводит тот факт, что уже в Средневековье сложилась традиция при обращении к благородным господам употреблять множественное число второго лица и говорить вместо «du» «ihr». В сноске к данному параграфу Готшед делает титульную ссылку на сатирическую поэму (27) «*Рейнеке-лис*», которая была написана в XV веке. Примечательно, что именно Готшед занялся изданием данного произведения. На обложке книги он указал, что автором является Гинрик фон Алкмар. Однако доподлинно неизвестно было ли это вымышленное лицо или настоящий писатель. С точки зрения текста, это, безусловно, указание на автора произведения. В то же время было бы не совсем логично считать именной ссылкой упоминание писателя, который, вероятнее всего, вовсе не существовал. Мы всё же будем придерживаться мнения, что это именная ссылка. Возможно, Гинрик фон Алкмар является плодом фантазии автора данного научного сочинения, так как об авторе «*Рейнеке-лиса*», не сохранилось каких-либо сведений, а Готшед был первым, кто о нём написал, но, несмотря на это именно Алкмар считается создателем сатирической поэмы. В истории литературы существовало немало таких примеров, когда читатели считали автором того или иного произведения выдуманное лицо. Например, К. П. Прутков. В литературоведении таких «авторов» часто именуют «литературными масками».

В данном произведении, как отмечает Готшед, все животные говорили друг с другом на «Вы» («alle Thiere einander ohne Unterschied mit ihr und euch anreden lassen!»). (S. 328). Вновь мы видим употребление Готшедом восклицательного знака в неполюженном месте, как выражение

автором глубокого удивления. Надо сказать, что использование восклицательных предложений в современном научном дискурсе не приветствуется, так как оно не удовлетворяет такому признаку научной речи, как объективность.

Так, можно сказать, что в данном случае источник заимствования – это текст известного автора, так как читатели всё же в первую очередь воспринимали его как создателя произведения. Форма реализации – титульная ссылка.

3.2.2. Словосочетания

Перейдем к третьей части произведения, которая посвящена исследованию сочетаний слов в предложении. В предисловии Готшед говорит о том, что каждый народ в зависимости от своего образа мыслей выделяет определенные части речи в языке. В сноске к данному тезису Готшед упоминает французского ученого *П. Бюфьера*, который также писал об этом вопросе. Здесь мы видим именную и титульную ссылку (также его произведение «*GRAMMAIRE FRANÇOISE SUR UN NOUVEAU PLAN*»). (28). Вводя в свой текст данную ссылку, немецкий философ имел целью показать, что также ученые из других стран также занимаются проблемой соотношения языка и мышления. Далее Готшед приводит примеры различных выражений из немецкого и французского языков, указывая на то, что с точки зрения носителей немецкого языка способы выражения тех или иных мыслей на французском языке могут показаться неправильными и вызвать удивление. Например, двойное отрицание во французском языке «*JE NE LE SAIS PAS: ich nicht es weis nicht*». (S. 467). Источник заимствования в данном случае известен. Довольно тяжело сказать является ли выразительное высказывание в данном случае объектом заимствования. Вполне вероятно, что Готшед просто придерживался мнения, сходного с точкой зрения Бюфьера. Проблему при определении предмета заимствования представляет тот факт, что нам доподлинно неизвестно, кто

первый пришел к той или иной мысли. В современных научных работах, разумеется, идентифицировать интертекстуальный объект проще.

Далее Готшед размышляет о том, как изменялся его родной язык на протяжении столетий. Так, многие сочетания, которые были столь распространенными в XV – XVI веках, во времена Готшеда уже считались устаревшими или выходили из употребления. В сноске немецкий писатель приводит цитату. Однако не ясно, чьему перу она принадлежит, Готшед не указывает автора.

(29) «*MIRATURQUE NIHIL, NISI QUOD LIBITINA SACRAVIT*».
(«И почитает лишь то, что Смерть освятила навеки») (пер. Н.

Гинцбурга)

(30) «*ADEO SANCTUM EST VETUS OMNE POEMA!*» (S. 461).
(« До того все поэмы, что древни, священны!») (пер. Н.

Гинцбурга) ¹¹⁴

Лишь при помощи дополнительной литературы нам удастся установить, что это цитата из произведения Горация «Послание к Августу». Объектом заимствования является идея. Готшед обращается к мыслям древнеримского поэта, чтобы построить базис для своего собственного исследования.

Источник заимствования в данном случае не известен. Его можно установить лишь, обратившись к дополнительной литературе. Объектом заимствования является выразительное высказывание.

В этом же разделе Готшед затрагивает вопрос об окончании существительных и формулирует правило: существительные, обозначающие родину, род, возраст, должность, существо или ремесло перенимают второе окончание другого существительного. Он приводит следующие примеры: «*Er ist seiner Geburt ein Deutscher; seiner Herkunft ein Schlesier*» (S. 480). Готшед, однако, отмечает, что иногда встречаются употребления на подобии: «*ein Sachs von Geburt, ein Graf von Geschlecht*». (S. 480). В сноске к данному примечанию Готшед довольно резко критикует использование подобных конструкций, так как, с его точки зрения, нельзя полностью понять смысл

¹¹⁴ □ Гораций. Послание к Августу / пер. Н. Гинцбурга. URL: http://www.russianplanet.ru/filolog/horatius/epistulae/2_01.htm (дата обращения: 15. 04. 16)

высказывания. Языковед пишет, что «тому, кто желает вести туманные речи, лучше вовсе молчать» (перевод мой – О. И.) («Wer dunkel reden will, der darf lieber gar schweigen»). (S. 495). Вновь Готшед обращается к античности и приводит цитату римского писателя Авла Геллия, который в свою очередь цитирует оратора Фаворина:

(31) «*NONNE, HOMO INEPTE, UT QUOD VIS, ABUNDE CONSEQUARE, MELIUS TACERES?*» (S. 495)

(«Человек, речь, лишённая смысла, нелепа, не лучше ли вовсе молчать?») (перевод мой – О. И.)

Способ реализации в данном случае – вторичная цитата. Готшед обращается к промежуточному тексту, то есть к произведению Геллия, в котором содержится цитируемое высказывание. Надо сказать, что произведения оратора Фаворина сохранились в очень скудных количествах, в основном это лишь фрагменты его речей. Вероятнее всего, у Готшеда не было доступа к первоисточнику, а в таких случаях чаще всего прибегают к использованию вторичных цитат. Вводится данная цитата следующим образом: «wie Phavorin beym Gellius saget». В современном немецком научном дискурсе вторичная цитата вводится чаще всего при помощи таких формулировок, как, например, "zitiert nach:", "entnommen aus:". Как мы видим, способ введения заимствованного фрагмента у Готшеда совершенно иной. Его можно охарактеризовать как более простой и субъективный. Однако стоит заметить, что именно вариант введения в текст цитаты, выбранный немецким философом, создает ощущение диалога между произведениями. Это впечатление достигается при помощи использования глагола «sagen», а также предлога «bei», которому присуща сема «близость». Глагол говорения в данном случае способствует, кроме того, ещё большему вовлечению читателя в научный диалог.

Раздел, посвященный глаголам, является в произведении Готшеда одним из самых значимых. Немецкий философ пишет о том, что при переводе с латыни на немецкий язык прошедшее время должно быть передано претеритом. В качестве примера он приводит цитату из

произведения римского историографа и писателя Светония «Жизнь двенадцати Цезарей». (S. 542). Надо сказать, что данная цитата является немаркированной. Готшед указывает место в книге, откуда было совершено заимствование «gleich anfangs». Далее следует цитата на латинском языке. Особенность взятого нами из трактата Готшеда примера состоит в том, что это один из немногих случаев, когда фрагмент текста-источника приводится с переводом, который был осуществлен самим Готшедом. Вероятно, потребность в переводе возникла в связи с грамматической темой, рассматриваемой в разделе, а также коммуникативной задачей, которую ставил перед собой Готшед. Она заключалась в том, чтобы показать на примере, как правильно передать на немецком языке прошедшее время. («amisit» - «verlieren»). Согласно классификации В. Е. Чернявской это – цитата - пример, которая вводится выражением zum Exempel (Z. E.), формулировкой, предшествующей zum Beispiel. Как мы видим, во времена Готшеда ещё сохранялись латинизированные выражения. Обратимся также к классификации немецких ученых К. Ганзеля и Ф. Юргенса. В соответствии с их теорией вышеназванную цитату можно охарактеризовать как дейктическую, то есть просто как отсылку к предтексту. В то же время за этой цитатой следует перевод. Можно высказать предположение, что это - кооперативная интертекстуальность, представляющая собой прямую связь между текстами.

В тексте Готшеда встречаются также маркированные цитаты. Например, отрывок из похвальной речи немецкого поэта Каница, посвященной принцессе Курской Готшед берет в кавычки:

(32)«*Wer kann es mit gleichem und unbewegtem Muthe ansehen, daß der Sohn unsers großmächtigen Churfürsten, der theure Churprinz, der Trost so vieler Länder, vor Schmerzen außer sich selbst gesetzt ist...*».

(S. 539).

Здесь перед нами вновь цитата-пример.

Перейдем к разделу о причастиях. Готшед критикует подражание французскому языку, когда причастие выносится на первое место в

предложении. Чтобы обосновать своё несогласие с подобным употреблением, он ссылается на крупных немецких поэтов и ученых:

(33)«Das ist eine barbarische oder undeutsche Art zu reden und zu schreiben: die weder Luther, noch Opitz, noch sonst einer von unsern guten Schriftstellern, als Kanitz, Besser, Neukirch, oder Gundling und Mosheim gebraucht haben.» (S. 551).

Эти именные ссылки указывают читателю на авторов, чьи произведения должны служить образцом грамотной речи.

В разделе, посвященном исследованию модальных глаголов, Готшед формулирует правило о том, что личные местоимения («Ich, Du, Er») при таких глаголах нельзя опускать. Готшед ссылается на неких людей, которые при написании письма не употребляют подлежащих. По мнению немецкого писателя, это есть не что иное, как порча языка («Verderbniß der Sprache») (S. 558). Данное выражение показывает негативное отношение Готшеда к пренебрежению языковыми правилами. В сноске к этим замечаниям он обращается к труду лютеранского теолога (34) *Иоахима Камерариуса «Диалоги»*. Примечательно, что Готшед указывает год и место издания книги. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что это смешанный тип ссылок («библиографическая ссылка»). Далее следует цитата из произведения Камерариуса. Готшед делает акцент на том, что лютеранский теолог не является «классическим автором», язык которого следует считать образцовым. О манере письма Камерариуса Готшед отзывается довольно нелестно: «dem man folgen müßte, wenn man was bessers findet». (S. 563). Это пример вновь показывает нам то, что научному стилю XVIII века присуща высокая степень субъективности и эмоциональности. Труду Камерариуса автор трактата противопоставляет произведения Лютера, в которых соблюдалась одобряемая Готшедом норма. В данном случае мы видим лишь именную ссылку, так как Готшед не называет текстов Лютера, в которых были замечены правильные употребления. Далее Готшед цитирует фрагмент из труда Квинтилиана «Двенадцать книг риторических наставлений»:

(35) «*NEQUE ID STATIM LEGENTI PERSUASUM SIT, omnia, quæ magni autores dixerint, utique esse perfecta. NAM & LABUNTUR ALIQUANDO, & ONERI CEDUNT, & INDULGENT INGENIORUM SUORUM VOLUPTATI; NEC SEMPER INTENDUNT ANIMUM, & NONNUNQUAM FATIGANTUR: CUM CICERONI DORMITARE INTERDUM DEMOSTHENES, HORATIO VERO ETIAM HOMERUS IPSE VIDEATUR. I.X.C. I. ED. GRYPH. 1549. P. 502.*» (S. 563)

(«Но, читая, надлежит быть свободным от предубеждения, будто бы все находимое в великих есть совершенно. И они иногда погрешают, или падают под бременем, или увлекаются порывами своего разума, не всегда напрягают внимание, а нередко и утомляются. Цицерону кажется, что Демосфен, а Горацию, что и сам Гомер временем дремоте предаются»). (Перевод Александра Никольского).¹¹⁵

Приведенная цитата выполняет апеллятивную функцию. Автор трактата обращается к тексту римского ратора, чтобы аргументировать свой тезис. Кроме того, данному фрагменту присуща также декоративная функция. Он «украшает» текст, делает его особенным.

В данном случае мы с большей долей уверенности можем полагать, что объектом заимствования является выразительное высказывание. Доказать это можно тем, что Квинтилиан жил и творил раньше, чем Готшед. Немецкий философ в свою очередь, ознакомившись с произведением римского автора, сформулировал свою точку зрения. Кроме того, здесь цитата является маркированной.

В разделе о сочетаемости наречий мы также видим ссылку на неких писцов (36) («*Scribenten*»), которые в своих записях намеренно избегают использования двойного отрицания. Перед нами возникает вопрос, стоит ли

¹¹⁵Квинтилиан. Риторические наставления // пер. с латинского члена Императорской Российской Академии А. Никольским – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1406351156> (дата обращения: 10. 04. 16)

считать подобную ссылку именной. Думается, что нет, потому что по определению данный вид фоновых ссылок предполагает какое-либо упоминание имени реального лица. В данном случае мы видим лишь обозначение некой группы людей, написавших некий текст, поэтому было бы некорректным называть это именной ссылкой. Мы предлагаем обозначать подобные случаи просто как «отсылку» к тому или иному произведению. В добавление к этому надо сказать, что в современном научном дискурсе не приветствуется неточное упоминание источника. В сноске Готшед в виде косвенной речи приводит слова своего «ученого покровителя» (37) (*«gelehrter Gönner, der sich aber nicht zu nennen beliebt»*), (S. 574) который полагал, что немецкий язык похож в плане использования двойного отрицания на греческий язык. По этой причине отказываться от двойного отрицания не следует. Нельзя с точностью сказать, кого Готшед подразумевает под «ученым покровителем». Конечно, мы можем сказать, опираясь на другие проанализированные фрагменты, что речь идет о Вольфе, так как Готшед всегда, когда ссылается на его слова, прибегает к перифразу. Однако с той же уверенностью можно утверждать, что речь идет о другой личности, потому что Вольфа Готшед чаще всего называет «mein schlesischer Freund» или «mein Freund aus Schlesien». Однако мы считаем, что это именная ссылка, хотя нам доподлинно неизвестно, кого автор трактата имеет в виду. Кроме того, мы считаем, что именной ссылкой необходимо считать те, которые либо представляют собой упоминание имени создателя текстового произведения, либо те, которые указывают на личность автора, но косвенно (к примеру, с помощью перифразы), как в данном примере.

Обратимся к разделу, посвященному рассмотрению предлогов.

Готшед уделяет внимание проблемам употребления предлогов *vor* и *mit*. Иногда вместо дательного падежа после этих предлогов используется винительный (например, *Ich habe das von Sie bekommen.*) В сноске автор трактата также отмечает, что в Гольштейне, Мекленбурге, Померании такие

ошибки очень распространены. Вследствие войны многие выходцы из Бранденбурга, Вестфалии, Магдебурга и Померании проживали в Саксонии, поэтому и в этой земле теперь можно наблюдать неправильное употребление, пишет Готшед. Вновь автор трактата обращается к античным авторам:

(38) «*OMNIS PEREGRINITAS IN URBEM EFFUSA EST.*» (S. 558)
«В городе любой чужестранец есть щедрый даритель» (перевод мой – О. И.)

В данном случае Готшед указывает, что высказывание принадлежит Цицерону. Мы не знаем, из какого произведения античного оратора взят этот фрагмент, в то же время Готшед уточняет, что об этом он писал в Гоймонде, в 1762 году. Так, данный интертекстуальный элемент можно охарактеризовать как вторичную цитату. Необходимо также учитывать, что в качестве источника заимствования Готшед указывает свой собственный текст. Надо сказать, что в анализируемом трактате мы впервые наблюдаем автотекст.

В одном из примечаний в главе о союзах Готшед пишет, что большинство союзов стоят в начале предложения, в то время как союзы, обозначающие последовательность действий (например, *nur und, auch, doch, aber, und alle*) (S. 590), могут стоять как перед другими словами, так и после них. Немецкий писатель приводит различные примеры употребления *daher* и *also*. В сноске он вновь ссылается на замечания Вольфа (39) («*Ein gelehrter Mann*»), и в виде косвенной речи передает его возражение о том, что в выражении типа «*Es ist also daher*» (S. 591) *daher* является излишним, так как по семантике данный союз лишь повторяет *also*. Синтаксический центр данной речевой конструкции создают вводные слова автора («*Ein gelehrter Mann wendet hier ein...*»). Значение глагола *einwenden* показывает, что автор обращается к мнению своего оппонента, иными словами, вступает с ним в полемику. Готшед использует косвенную речь, чтобы, во-первых, продемонстрировать читателю неоднозначность вопроса, касающегося употребления союзов *also* и *daher*, и, во-вторых, выразить своё отношение к

позиции Вольфа. Мы видим, что косвенная речь выполняет информативную и оценочную функцию. Готшед аргументирует свою точку зрения и далее. Отметим, что немецкий философ критикует мнение своего оппонента в довольно мягкой форме, лишь упоминая о том, что иногда посредством такого повтора можно создать плеоназм.

В разделе о грамматических фигурах Готшед ссылается на латинских авторов, которые довольно часто создавали искусственные слова. Он также указывает, что немецкие языковеды следуют их примеру. Вновь возникает вопрос, следует ли считать (40) *«die lateinischen Sprachlehrer»* и *«verschiedene deutsche Sprachlehrer»* (S. 599) именными ссылками. Думается, что, да, так как писатели и учёные, к которым обращается Готшед, действительно существовали и создавали труды, в которых были обнаружены грамматические фигуры. Как уже было замечено, в современных научных произведениях не приветствуются столь нечёткие ссылки на авторов или их произведения.

Наше предположение подтверждается далее. Готшед называет уже конкретное имя античного автора – Гомер. Немецкий писатель указывает, что в произведениях древних поэтов можно встретить довольно много неправильных употреблений, которые характеризуются другими учеными, современниками Готшеда, как особые приёмы. Можно сказать, что автор трактата считает это не совсем верным, сравнивая это с поведением влюбленного (*«wie etwa die hitzigen Liebhaber auch die Mäler und Narben ihrer Schönen, sich als Schönheiten derselben vorzustellen, und einzubilden pflegen»*. S. 599). Так, Готшед ссылается на Гомера, чтобы на его примере показать то, как неточности в произведениях авторитетных авторов превращаются в достоинства, которым надо следовать. Данная именная ссылка выполняет в тексте оценочную функцию. Готшед в мягкой форме выражает своё несогласие с подобной позицией. Ещё одна именная ссылка, которую мы наблюдаем в этом фрагменте, это ссылка на Аристотеля:

(41) *«Selbst Aristoteles in seiner Dichtkunst, entschuldiget sowohl den*

Homer, als die tragischen Dichter, wegen solcher Fehler; und behauptet wider alle Wahrscheinlichkeit: sie hätten dieselben zu desto größerer Schönheit ihrer Gedichte machen müssen.» (S. 599)

Здесь мы также видим имплицитную косвенную речь. Готшед в сжатой форме излагает то, что писал античный автор по данному вопросу. Косвенная речь выполняет в тексте информативную функцию. Несмотря на то, что это не прослеживается явно, читатель сразу понимает, что Готшед не одобряет того факта, что писатели слепо подражают авторитетным авторам, считая ошибки и некорректные употребления в текстах авторов вершиной мастерства. Критическое отношение к этой тенденции проявляется также в использовании усилительной частицы *selbst*. Объектом заимствования является способ аргументации.

В данном разделе Готшед перечисляет различные грамматические фигуры. Среди них он отмечает антитезу и описывает её как «перемещение» («*Vertauschung*»), противопоставление при котором X можно заменить на U. В сноске Готшед вновь ссылается на Вольфа («*mein gelehrter Anmerker*»). Слова оппонента Готшеда приводятся в виде косвенной речи:

(42) *«Ihm sey kein Beyspiel bekannt, wo man ein x für ein U genommen».* (S. 605)

Для передачи косвенной речи здесь используется презенс конъюнктив.

Готшед ссылается на слова Вольфа, чтобы показать читателю альтернативную точку зрения. Можно сказать, что именная ссылка и косвенная речь выполняют в данном случае апеллятивную и оценочную функции.

3.2.3. Просодика

Обратимся к четвертой части научного труда Готшеда, которая посвящена исследованию просодики в немецком языке. В предисловии к разделу, Готшед пишет о том, что не все немецкие ученые относили просодику к грамматике. Они полагали, что её необходимо рассматривать в рамках поэтики. Готшед ссылается на своих предшественников, которые уже

занимались изучением просодических явлений. Одним из таких ученых является Олингер. В данном фрагменте текста представлена именная и адресная ссылка. Готшед указывает, что Олингер написал свой труд в 1574 году, однако не упоминает его название. Далее немецкий философ кратко излагает основные положения из научного произведения Олингера. Здесь мы видим пересказанную косвенную речь:

(43)«Gleichwohl hat Ölinger... nach der damaligen Rauhigkeit unserer Dichtkunst, oder vielmehr, nach seiner wenigen Kenntniß derselben, eine Anleitung dazu gegeben. Er weis aber noch nichts von Jamben, Trochäen oder Daktylen; sondern lehret nur aus dem gröbsten die Syllben zählen und reimen.» (S. 629)

Ещё одним ученым, на которого ссылается Готшед, является Клаюс. Данная именная ссылка выполняет в тексте оценочную функцию. Готшед положительно оценивает труд Клаюса:

(44) «Sein Nachfolger Clajus hats vier Jahre hernach, schon besser gemachet». (S. 629)

Данная выдержка из текста трактата является примером эмпатической (то есть положительной) разновидности оценочной функции.

В предисловии Готшед также обращает внимание читателя на то, что некоторые авторы изучают лишь греческую и латинскую просодику. Немецкий философ, однако, ратует за то, чтобы и немецкая просодика исследовалась должным образом, так как в ней существует довольно много противоречий, а также допускается большое количество ошибок. Готшед упоминает неких деятелей искусства, которые, по его словам, настолько «влюблены во всё, что написано на латыни или на греческом» (перевод мой – О. И.) (S. 630), что не замечают особенностей слогов в немецком языке. Отсылка к работам этих ученых необходима Готшеду, чтобы утвердить своё мнение. Немецкий философ пишет, что подобную ситуацию с изучением просодики родного языка можно наблюдать во Франции. В сноске Готшед

называет работу французского автора (45) Оливета «*PROSODIE FRANÇOISE*». Эти именная и титульная ссылки также выполняют оценочную функцию, служат своего рода антипримером.

В следующей главе Готшед рассуждает об истории просодики. Немецкий философ настаивает на том, что, если мы будем исследовать метрику, то нужно вернуться в те времена, когда поэзия только зарождалась. («*die Poesie noch in der Wiege gelegen hat*») (S. 634). Готшед пишет, что тогда, поэзия была «прекрасной дочерью природы» (перевод мой – О. И.), выражала сильные эмоции. Однако ей ещё были не знакомы такие понятия, как изменение тона при произношении, определенные виды музыки. Далее Готшед отсылает читателя к своему труду:

(46)«*S. das I Cap. meiner kritischen Dichtkunst.*» (S. 634)

Так, мы видим здесь ссылку на автотекст. Немецкий философ называет конкретное произведение и главу, в которой можно подробнее ознакомиться с этой темой. Разумеется, Готшед отсылает реципиента к другому тексту, чтобы не повторять в данном трактате один и тот же материал. В сноске к данному параграфу Готшед приводит примеры образцовой поэзии. Он ссылается на (47) *Книгу Моисея* («*im I B. Mose im 31 Cap. 27 V*») и на *Книгу Иова*.

Далее мы видим библиографическую ссылку на труд Эдуарда Менворнинга (48) «*A RECOVERY OF THE LATIN, GREC, AND HEBREW NUMBERS, 1738*». Готшед приводит её для того, чтобы читатель мог поближе ознакомиться с поэзией древности.

Примечателен также небольшой параграф, в котором Готшед рассматривает поэзию северных народов. Он утверждает, что в ней практически нет рифмы и размера. Позднее певческое искусство сделало её изысканнее. Далее Готшед, чтобы доказать своё мнение, ссылается на (49) *Олауса Ворма и его труд «Руническая литература»* («*LITERATURA RUNICA*»). Ворм, по словам Готшеда, не смог обнаружить размер в скандинавской поэзии. Именная и титульная ссылки выполняют апеллятивную функцию.

Особое внимание, разумеется, должно быть уделено способу введения интертекстуальности в произведение. Мы уже отмечали, что Готшед использует более эмоционально окрашенные языковые средства при введении интертекстуальных фрагментов в свой текст, по сравнению с авторами современных научных работ. Кроме того, если сейчас в научных произведениях можно увидеть такие выражения как: «пишет», «полагает», «считает», «по мнению Г.», то в тексте XVIII века мы обнаруживаем большее разнообразие средств, при помощи которых вводятся интертекстуальные фрагменты. Так, у Готшеда мы видим как широко распространенный способ:

*(50) wie Barthel Ringwald noch 1585 schrieb:
Sondern gehorch den Eltern d e i n,
Und andern frommen Herzen r e i n etc (S. 475)*

Так и использование глаголов с различными значениями и с разной эмоциональной окраской. Например,

(51) «Aber in neuern Zeiten hat Opitz uns gelehret, auch um des Syllbenmaaßes halber, die Ordnung der Wörter nicht zu stören.» (S. 476)

(52) «wie Opitz singt...» (S. 475) или (53) «wie Kanitz singt...» (S. 477)

В современных научных произведениях такие варианты введения цитаты в текст довольно редки. В то же время нельзя не отметить, что подобные средства добавляют тексту эмоциональности и разнообразия. В ходе анализа текста как объекта интертекстуального включения, мы можем заключить, что

- Объектами заимствования в тексте Готшеда главным образом являются выразительные высказывания (примеры № 29, 30) и способ аргументации (пример №41).

- В тексте трактата интертекст реализуется различными способами: цитатой, косвенной речью, фоновыми ссылками.

- Отличительной чертой анализируемого текста XVIII века является субъективность, проявляющаяся во введении интертекстуальных фрагментов и в оценке Готшедом деятельности других ученых.

3.3. Адресат, как реципиент интертекстуального воздействия

Реципиент является третьим обязательным элементом интертекстуальной ситуации. Целью научной, как и любой другой коммуникации, является донесение до читателя определенной информации. Существует также мнение, что реципиент также участвует в процессе создания текста, как и автор. Это обуславливается тем, что человек, воспринимая ту или иную информацию, создаёт о ней собственное представление. Очень часто говорят, что одинаковых прочтений одного и того же произведения не бывает. Степень понимания текста зависит от индивидуальных знаний человека, от особенностей его мышления. Разумеется, необходимо учитывать, что мы исследуем произведение XVIII века, поэтому читателю будет понятны далеко не все детали и реалии того времени. Мы также не можем отрицать того факта, что фрагменты из некоторых текстов ещё более ранних эпох просто могут быть не замечены современным реципиентом. Попытаемся проследить функционирование межтекстовых связей в трактате Готшеда, учитывая эти факторы.

3.3.1. Семантика

В этом разделе Готшед формулирует правило, согласно которому сложные слова, состоящие из нескольких компонентов, в соответствии с традицией предшественников («Alten») необходимо писать без разделительных знаков. В подтверждение выдвинутого тезиса Готшед обращается к трудам античных авторов. («So habens auch die Griechen gemacht: und selbst die Franzosen thuns, wenn sie z.E. LUNDI, MARDI, MERCREDI, BAISEMAIN, PORTÉPÉE, MALHEUR, CONTRETEMES, NULLEPART, EMBONPOINT, u.d.gl.m. schreiben») (S.221). В сноске к этому тексту немецкий философ делает ссылку на некоего автора, который полагал, что всё же надо сохранять данные знаки, чтобы облегчить чтение определенных слов:

(54)«Auch hierwider ist mein schlesischer Freund, der durchaus die Theilungszeichen behalten wissen will. Er giebt Exempel von Wörtern, die man ohne dieselben schwer lesen kann: Z.E. Eheideen, Theil scala, u.d.gl".

Готшед не называет человека, которому принадлежит это мнение по имени. Однако здесь есть указание на то, что он происходит из Силезии. Соответственно, мы можем предположить, что автор, о котором идёт речь в данном фрагменте, это Христиан фон Вольф, родившийся в Бреслау (Силезия). Немного далее Готшед называет его своим противником («Mein Herr Gegner»). Очевидно, что в данном случае инертекстуальный фрагмент выполняет оценочную функцию. Несмотря на то, что немецкий философ с глубоким уважением относился к Вольфу и его идеям, что подтверждается использованием таких слов как «Freund» и «Herr», он всё же вступает с ним в полемику.

Подумаем, может ли читатель трактата Готшеда сразу понять, кого Готшед подразумевает под выражением «Mein schlesischer Freund». С уверенностью можно утверждать, что современники Готшеда догадывались, что он говорит о Вольфе. В таком случае мы имеем дело с полным пониманием интертекстуальности. Реципиент опирается на накопленные им знания. Однако современный читатель, тем более далекий от лингвистики и от истории немецкой грамматики, вряд ли поймет о ком идет речь в данном отрывке без обращения к дополнительной литературе. Здесь мы будем иметь дело с поверхностным пониманием межтекстовой связи, которое заключается в том, что читатель распознает интертекстуальный отрывок, однако не может точно установить его источник.

Интерес также представляет раздел о склонении прилагательных. Надо сказать, что уже в XVIII веке сформировались правила о формоизменении данной части речи, которые действуют в немецком языке до сих пор. При слабом склонении, пишет Готшед, прилагательные мужского и среднего рода утрачивают окончания –r и –s соответственно.

После изложения данного правила Готшед делает сноску, в которой приводит цитату из произведения Ю. Шоттеля:

(55) *«Wenn Naso so verzückt wollt eine Liebste zwingen,
Der großer Cicero sogar beweglich sprach:
Der tiefer Tacitus die Klugheit oben brach.»* (S. 303)

Причина, по которой Готшед приводит здесь данную цитату, объясняется тем, что немецкий философ противопоставляет свои примеры стихотворению Шоттеля, так как полагает, что тот использовал неверную форму прилагательных. Это доказывает то, как вводится цитата. Готшед пишет:

(56) *«Hier hat vor hundert und mehr Jahren, Schottel eine andere Meynung gehabt; und so geschrieben.»* (S. 303)

Можно предположить, что Готшед не просто не соглашается с точкой зрения Шоттеля, но также относится к ней с неким презрением. На это в свою очередь указывает обстоятельство времени, использованное Готшедом в данном случае «vor hundert und mehr Jahren», которое можно перевести как «сто с лишним лет назад». У читателя создается впечатление, что уточнение времени, когда было написано данное произведение, не является необходимым. Наше предположение подтверждается дальнейшими рассуждениями Готшеда относительно мнения Шоттеля. Автор анализируемого нами трактата ссылается на книгу Шоттеля («sein Buch der deutschen Spracheinleitung»), не называя ее. Однако мы можем всё-таки предположить, что здесь имеется в виду трактат «Deutsche Sprachkunst», куда он поместил в качестве примера стихотворения. Трудно сказать, является ли эта ссылка титульной, так как отсутствует название произведения, но скорее всего читателю той эпохи было понятно, какой труд Шоттеля подразумевает Готшед. Поэтому мы всё же охарактеризуем эту ссылку как титульную. Отзыв Готшеда о книге Шоттеля весьма нелестен: «Dieses hat aber weder vor ihm jemand geschrieben, noch nach seiner Zeit nirgends Beyfall gefunden.» (S. 303). Безусловно, такие виды межтекстовой

связи как цитата и титульная ссылка, которую мы рассмотрели, выполняют оценочную функцию. Позиция автора трактата однозначно противопоставлена мнению Шоттеля. Надо сказать, что данный фрагмент является самым критичным из всех изученных нами ранее. Готшед, обращаясь к труду Шоттеля, тем самым аргументирует своё собственное мнение и показывает несостоятельность теории своего оппонента. Интересно также то обстоятельство, что критикуемый Готшедом Шоттель также был поэтом эпохи барокко.

3.3.2. Словосочетания

В разделе, посвященном исследованию местоименных сочетаний, есть сноска, в которой Готшед вновь ссылается на своего «друга из Силезии». Речь идет, как мы уже знаем, о Вольфе. В форме косвенной речи немецкий писатель передает то, в чем упрекнул его Вольф, когда они дискутировали по поводу стихотворения Опица (см. пример №16):

(57) Ein gelehrter Freund in Schlesien hat mir bey Gelegenheit dieser opitzischen Zeilen, den Einwurf gemacht, daß man wegen der poetischen Freyheiten, die sich Opitz hier, und sonst zuweilen genommen, lieber keine poetische Exempel hätte geben sollen: weil sich Anfänger nur daran stießen. (S. 505)

Вольф упрекает Готшеда в том, что при написании научного труда, посвященного грамматике, ему не следовало обращаться к подобным примерам. Готшед не может не согласиться с Вольфом («Ich kann ihm in beyden nicht unrecht geben.»). Но всё же он также встает на сторону Опица, называя его «отцом нашего нового поэтического искусства». Примечательно, что свои рассуждения, касающиеся примеров из стихотворений Опица, Готшед завершает несколькими риторическими вопросами. Это придает изложению эмоциональности, а также ещё больше усиливает впечатление диалога. Готшед обращается одновременно и к Вольфу, и к читателю. Кроме того, диалог ведется и с Опицем:

«Allein, wer sieht das nicht? und wer wird wohl glauben, daß ich das billige? Haben aber nicht auch heutige Poeten, in ihren so genannten

gedrungenen, oder vielmehr vollgestopften Versen, wohl noch ärgere Schnitzer gemacht?» (S. 505)

Немецкий философ постоянно обращается к читателю, вовлекая его в собственное исследование. Надо сказать, что хотя Готшед и не называет по имени своего оппонента, у читателя, в особенности современного складывается устойчивое представление о личности, на которую довольно часто ссылается автор трактата. Отметим также, что в последнем вопросе мы видим слово, которое использовалось и продолжает использоваться преимущественно в разговорной речи, «Schnitzer» («промах, ошибка»). Это ещё раз доказывает то, насколько язык науки XVIII века отличается от современного научного языка. В наше время трудно представить себе, чтобы лексика, присущая разговорному стилю, встретила в серьезном научном произведении.

Согласно ещё одному правилу, формулируемому Готшедом в разделе, в котором рассматривается употребление причастий, некоторые части речи сами не являются причастиями, однако «звучат» как таковые. Среди них он выделяет формы вспомогательных глаголов *seyend* и *oder worden seyend*. В качестве примеров Готшед приводит такие выражения как «*zu schwach, eine Schlacht zu liefern, zog er sich zurück, d.i. zu schwach seyend: aber wie barbarisch klingt das?*». Мы видим, что автор трактата не одобряет использование подобных фраз, называя их «варваризмами». Далее в тексте приводится именная ссылка на Вергилия и Горация, которые, как пишет Готшед, иногда допускали в своих произведениях такие «вольности». Это обуславливалось размером стихотворения. Заметим, в данном разделе также присутствует ирония. Сразу после собственных приведенных примеров Готшед обращается к древним поэтам, при этом говоря,

(58)«Was die alten Poeten betrifft, denn auch auf diese beruft man sich...» (S.553).

Готшед шутит, что примерами могут служить не только его примеры, но и произведения древних поэтов. В современных научных текстах ирония, как мы знаем, вообще не встречается. Так, Готшед

сообщает, что Вергилий и Гораций использовали части речи, употреблявшиеся только в греческом языке, в то время как в произведениях их предшественников, римских писателей-прозаиков, таких выражений не было. Кроме того, в данном отрывке есть ещё одна ссылка на неких «художественных критиков» (59) («*Kunstrichter*»), которыми и был отмечен вышеупомянутый факт. Мы не можем с абсолютной уверенностью назвать по имени тех литературоведов, на которых ссылается Готшед. Однако, вероятнее всего, образованному читателю той эпохи было понятно, кого он имеет в виду. В этом случае мы можем говорить о поверхностном понимании интертекстуальности. Реципиент осознаёт, что писатель ссылается на чьё-то мнение, однако понимание затрудняется культурными различиями между двумя эпохами. Автор трактата ещё раз подчеркивает своё негативное отношение к использованию «варваризмов» в своём рассуждении о том, что если бы немецкие поэты писали подобным образом, то они бы «не заслуживали подражания» («so wären sie darinnen ebenfalls nicht nachzuahmen»).

В сноске Готшед, используя косвенную речь, приводит слова своего «ученого покровителя» (60) («*gelehrter Gönner, der sich aber nicht zu nennen beliebt*»), (S. 574) который полагал, что немецкий язык похож в плане использовании двойного отрицания на греческий язык. По этой причине отказываться от двойного отрицания не следует. Нельзя с точностью сказать, кого Готшед подразумевает под «ученым покровителем». Конечно, мы можем сказать, опираясь на ранее проанализированные фрагменты, что речь идет о Вольфе, так как Готшед всегда, когда ссылается на его слова, прибегает к перифразу. Однако с той же уверенностью можно утверждать, что речь идет о другой личности, потому что Вольфа Готшед чаще всего называет «*mein schlesischer Freund*» или «*mein Freund aus Schlesien*». В данном случае также нельзя говорить о том, что это именная ссылка, так как доподлинно неизвестно, кого автор трактата имеет в виду. Мы считаем, что именной ссылкой необходимо считать те, которые либо представляют собой

упоминание имени создателя текстового произведения, либо те, которые указывают на личность автора, но косвенно (к примеру, с помощью перифразы).

Интересные примеры мы находим также в разделе, посвященном рассмотрению пословиц немецкого языка. Готшед затрагивает вопросы, касающиеся двусмысленности и метафоричности в языке. Готшед выступает против дословного перевода пословиц, так как при этом теряется вся «соль» высказывания, его уникальность. Подстрочный перевод немецкий философ определяет как «варварский» («barbarisch»). В качестве примера произведения, которое написано таким «безжизненным» языком Готшед приводит «Письма темных людей» (61) («*Epistolas Obscurorum Virorum*») (S. 607). В данном случае перед нами титульная ссылка. Именная ссылка здесь, разумеется, не может иметь место, так как это сатирическое произведение было издано анонимно. Готшед обращается к этой книге, чтобы, с одной стороны, показать читателю, где он может ознакомиться с неподобающими языковыми выражениями. Следовательно, эта ссылка выполняет апеллятивную функцию. Здесь можно говорить как о возможности поверхностного, так и полного понимания интертекста. Выражение «письма темных людей» часто фигурирует в средствах массовой информации, вследствие чего, в сознании современного читателя возникает ряд ассоциаций. Однако он не может точно определить, что оно значит и кто его автор. И, разумеется, люди, имея хотя бы некое представление о деятельности гуманистов, поймут, о чем идет речь.

В этом же разделе Готшед рассматривает долготу и краткость слогов. В одной из сносок к данному разделу Готшед сравнивает длинные и краткие слоги с персонажем романа (62) Дж. Свифта «Гулливер». (S. 671). Подобно Гулливеру, который в стране лилипутов казался большим, а в государстве Багдигнаков карликом, слоги в зависимости от их окружения могут быть долгими или краткими. Нельзя не отметить, что отсылка к роману Дж. Свифта добавляет тексту трактата необычности, то есть выполняет

декоративную функцию. Можно также утверждать, что данный интертекстуальный фрагмент выполняет функцию игры с читателем. Примечательно также, что такие достаточно вольные сравнения больше присущи художественному стилю, чем научному.

Рассмотрим ещё несколько примеров. Очень часто в своём произведении Готшед обращается к тексту Библии. Цитаты из «Книги книг» не маркируются и в большинстве случаев приводятся в качестве примера, какого-либо лингвистического явления.

(63) *«Himmel und Erde werden vergehen; aber meine Worte vergehen nicht.» (S. 449)*

Можно также утверждать, что цитата выполняет здесь декоративную функцию. Готшед не случайно обращается к такому источнику. В то время строки из Библии знали наизусть многие образованные люди. Данный интертекстуальный фрагмент Готшед заимствовал из Евангелия от Матфея. В разделе о служебных словах мы видим такой пример: *Zwier in der Wochen.*

В сноске к нему он пишет:

(64) *«Man fraget mich, was das heiße? Antw. der Pharisäer im Evangelio fastete so. Man dünket, es ist zwar alt, aber deutlich.» (S. 444)*

По прочтении сноски становится понятным, что это отсылка к Библейской Притче о Мытаре и Фарисее, которая упоминается в Евангелии от Луки.

Так, если цитата не является маркированной, не указывается её источник, то установить, откуда она была заимствована действительно трудно. Лишь учитывая стилистику текста, которая представляется отличной от собственного стиля Готшеда, можно понять, что это религиозный текст. В примере № 63, вероятно, можно говорить о непонимании со стороны читателя. Он может просто не отличить текст Библии от авторского текста. Поверхностное или полное понимание мы можем наблюдать в примере №64.

В ходе анализа читателя, как третьего элемента интертекстуальной ситуации, мы пришли к следующим выводам:

- По причине того, что исследуемый текст принадлежит более ранней эпохе, современному читателю не всегда удастся распознать интертекстуальный отрывок, установить автора и источник заимствования.
- Нельзя не отметить также и того факта, что каждому человеку присущи особые знания. Распознавание интертекста имеет, таким образом, субъективный характер.

3.4. Опыт исследования одного интертекстуального фрагмента

В одном из примечаний к разделу о сочетаемости наречий Готшед пишет, что окончания имен существительных зависят от служебного слова, с которым они взаимодействуют. (Например, *außerhalb unsers Gebiethes*) (S. 573). К этому же правилу Готшед относит такие высказывания, как *Wohl euch! Wohl uns!* (S. 574). Вновь автор трактата делает сноску к данным замечаниям. Он указывает, что иногда в немецком языке встречаются выражения типа *Neil ihm! Neil uns!* (S. 574). Готшед считает, что подобные употребления являются лишь подражательством английскому языку и говорит, что такие выражения могут привести к путанице в его родном языке. Далее Готшед приводит цитату из некоего стихотворного произведения, не указывая, однако, кто есть его автор:

*(65) «O IMITATORUM SERVUM PECUS! QUAM MIHI SÆPE
BILEM, SÆPE JOCUM VESTRI MOVERE TUMULTUS! (S. 574).»*
«О, подражатели, скот раболепный, как суетность ваша
Часто тревожила желчь мне и часто мой стих возбуждала!»

(Перевод Н. Гинцбурга)

Это фрагмент из письма Горация к Меценату. Разумеется, не каждый читатель сразу сможет назвать автора приведенной цитаты, тем более, если видит её лишь в латинском варианте. Многим читателям, однако, фраза «О, подражатели, скот раболепный» может показаться знакомой. Особенно часто она встречается в литературной и музыкальной критике. Можно сказать, что данное высказывание стало крылатым выражением. В данном случае можно говорить о полном или о поверхностном понимании интертекста. С одной стороны, у реципиента, не знакомого с предтекстом возникнут некие

ассоциации, а также вполне уверенные предположения о том, кто мог быть автором этого высказывания. Не исключено, что данные предположения могут оказаться ошибочными. В то же время, другой читатель может узнать цитату из произведения Горация, если он обладает для этого достаточными знаниями в области классической русской литературы конца XVIII - начала XIX века.

Многие носители русского языка, услышав эти слова, могут подумать, что они принадлежат перу А. С. Пушкина. Именно стиль и тематика данного стихотворения вызывают в сознании подобные ассоциации. В комментарии русского поэта к трагедии В. Н. Олина «Корсар» мы действительно видим фразу «O miratores!» («О, поклонники!») (перевод мой – О. И.). У А. С. Пушкина данное выражение является аллюзией, то есть намёком на текст Горация. Русский поэт обличает не вполне удачную обработку восточной поэмы Д. Г. Байрона «Корсар». Как мы видим, к произведениям римского автора обращались многие писатели и поэты, поэтому иногда, могут возникать неверные ассоциации.

Цитата из произведения Горация выполняет в тексте Готшеда апеллятивную и декоративную функции. Немецкий писатель прибегает к ней, чтобы с одной стороны, подтвердить свою точку зрения о том, какие негативные последствия подражательство может иметь для немецкого языка, а, с другой стороны, он, помещая эту цитату в конец раздела, как бы подводит итог своим размышлениям и в то же время по-особенному завершает раздел и готовит читателя к новой главе. Нельзя не отметить, что интертекстуальные фрагменты, которые выбирает Готшед, также способствуют тому, что адресат начинает задумываться над многими вопросами. Лингвистический трактат Готшеда имеет своей целью, прежде всего, изложить основные правила грамматики немецкого языка, но посредством употребления таких цитат, он как бы расширяет свои границы, обращаясь также к философии и другим наукам. Это в свою очередь делает произведение Готшеда более масштабным.

В ходе исследования данного примера мы убедились:

- Иногда в сознании читателя возникают ошибочные ассоциации, которые могут привести к неправильному определению источника заимствования, а, следовательно, к неправильному истолкованию текста того или иного произведения.

- Интертекстуальные фрагменты, которые использует Готшед, позволяют вывести его произведение за рамки лингвистики. Обращаясь к текстам классических авторов, немецкий писатель затрагивает вечные философские проблемы, которые в свою очередь дают пищу для размышлений читателю.

Выводы к главе 3

1. Маркеры межтекстовых связей могут выполнять в тексте произведения разнообразные функции. Один и тот же интертекстуальный фрагмент может совмещать несколько функций. Чаще всего в тексте трактата интертекст выполняет оценочную и апеллятивную функции. И. К. Готшед часто обращается к трудам своих коллег, чтобы либо выделить их сильные стороны, либо раскритиковать и тем самым подкрепить свою точку зрения. Довольно распространена в тексте декоративная функция интертекста. Немецкий писатель стремится придать необычности изложению правил, сделать особенным свой собственный текст. В основном декоративную функцию выполняют цитаты из произведений античных авторов. Практически всем интертекстуальным фрагментам в тексте И. К. Готшеда присуща этикетная функция. Они указывают на принадлежность автора произведения к тому или иному научному направлению. Нельзя не отметить того факта, что в современных текстах, относящихся к научному дискурсу, определить принадлежность создателя произведения к научному течению довольно трудно. Причина этого заключается в принципе объективного изложения информации, которого придерживаются современные ученые.

2. Практически всем интертекстуальным фрагментам в тексте И. К. Готшеда присуща этикетная функция. Они указывают на принадлежность автора произведения к тому или иному научному направлению. Нельзя не отметить того факта, что в современных текстах, относящихся к научному дискурсу, определить принадлежность создателя произведения к научному течению довольно трудно. Причина этого заключается в принципе объективного изложения информации, которого придерживаются современные ученые.

3. Способ введения интертекста в произведении И. К. Готшеда также имеет свои особенности. Немецкий писатель прибегает к использованию различных вводных конструкций, назначение которых состоит в том, чтобы заинтересовать читателя. Кроме того, данные выражения сразу показывают читателю отношение И. К. Готшеда к тому или иному научному труду. Нельзя не отметить, что автор трактата «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» прямо выражает свою точку зрения, не пытаясь скрыть критику оппонентов за этикетными формулировками. Разумеется, это добавляет в текст субъективное начало и делает его более эмоциональным.

4. Часто для обозначения учёных И. К. Готшед прибегает к использованию перифраза. Мы считаем, что подобные примеры всё же уместно будет называть именными ссылками, учитывая тот факт, что мы работаем с текстом XVIII века.

5. Разумеется, сразу обращает на себя внимание встречающаяся в тексте тракта неточность в указании источников заимствований. Мы знаем, что при написании современной научной работы необходимо четко указывать автора и название произведения.

6. При анализе текста И. К. Готшеда также важно обратить внимание на то, как будет воспринимать это произведение реципиент. Мы попытались рассмотреть восприятие текста с точки зрения современного читателя. Конечно, сейчас люди не обладают достаточным количеством знаний, чтобы распознать все интертекстуальные фрагменты,

встречающиеся в трактате. Однако при обращении к дополнительной литературе, при внимательном анализе стиля автора можно установить, что то или иное включение является интертекстуальностью. Кроме того, могут возникнуть проблемы при установлении источника заимствования. На примерах мы показали, что иногда у читателя могут возникнуть ложные ассоциации, которые могут привести к неверному истолкованию интертекстуального фрагмента, и как следствие, к неправильному пониманию идеи произведения.

Заключение

В ходе исследования грамматики И.К. Готшеда «Grundlegung einer deutschen Sprachkunst» нам удалось подтвердить тот факт, что интертекстуальность выступает значимой текстообразующей категорией. Опираясь на ранее накопленный опыт, ученый создает своё произведение, строит новые гипотезы, доказывает их посредством обращения к научным произведениям других авторов. Теория интертекстуальности также показывает тесную связь, которая существует между различными явлениями. Человек с рождения впитывает в себя культуру определенного социума, знания об окружающем мире. Интертекстуальность – это своего рода связующее звено между текстом и накопленными знаниями индивидуума. Однако реципиент должен быть в достаточной мере компетентен, чтобы эта коммуникация состоялась.

Как известно, процесс чтения субъективен, результатом знакомства с текстом может быть несколько интерпретаций одного и того же произведения, а новое понимание текста может не совпасть с первоначальным авторским замыслом. Однако в научном дискурсе речь идёт, прежде всего, о нахождении объективной истины. В связи с этим правильность истолкования интертекстуальности приобретает больший вес.

Научный дискурс концентрируется вокруг объективного изложения фактов и явлений. Конечно, субъективное начало всё равно будет присутствовать в научных произведениях, однако принципы научного

дискурса требуют от создателей научных произведений четкости, ясности формулировок, рассмотрение в работе различных концепций, посвященных той или иной теме.

В результате анализа грамматического трактата И. К. Готшеда нам удалось установить, что межтекстовые связи имеют в его тексте ряд особенностей. Это объясняется главным образом социокультурной спецификой той эпохи и художественным мировоззрением самого автора. Нельзя не отметить, что грамматика Готшеда имеет некоторые черты литературного произведения. Современному читателю такая форма научного текста может показаться непривычной. Тот факт, что мы владеем иным фондом знаний по сравнению с современниками И. К. Готшеда, будет в значительной мере затруднять понимание интертекстуальных фрагментов.

В грамматике И. К. Готшеда интертекстуальные включения функционируют, как правило, в форме полных или частичных цитат, ссылок, оформленных в виде прямой или косвенной речи. При этом иногда довольно трудно определить, является ли данная ссылка титульной или именной, поскольку немецкий писатель лишь намекает на какое-то произведение или автора, не называя их. Такие случаи, когда невозможно установить источник интертекстуального заимствования, мы предлагаем именовать «отсылкой». Нередко для обозначения учёных, на точку зрения которых И.К. Готшед считает необходимым сослаться, он прибегает к перифразам. Мы считаем, что подобные примеры будет уместно назвать именными ссылками, учитывая тот факт, что мы имеем дело с текстом XVIII века. Следует упомянуть также встречающиеся в тексте грамматики неточности в указании на источник заимствований.

Изучение межтекстовых отношений в рамках научных дискурсов разных эпох является перспективным направлением в современной лингвистике. Нельзя не отметить, также и того, что результаты исследований данных вопросом могут найти своё применение далеко за пределами языкознания.

Список использованной литературы:

- 1) *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка.— М.: Флинта, 2009.— 384 с.
- 2) *Арнольд И.В.* Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. Межвузовский сборник научных трудов.— СПб, 1993.— 60 с.
- 3) *Арнольд И.С.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. — М.: Либроком: 2014. — 452 с.
- 4) *Баева Г. А.* Синтаксис современного немецкого языка.— СПб: изд. СПбГУ, 2001.— 288 с.
- 5) *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика, Поэтика /пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова.— М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
- 6) *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Художественная литература, 1972.— 175 с.
- 7) *Брандес М. П.* Стилистика немецкого языка — М.: Высшая школа, 1983. — 270 с.
- 8) *Гвишиани Н.Б.* Язык научного общения (вопросы методологии). — М., Высшая школа, 1986.— 279 с.
- 9) *Жолковский А. К.* Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты.— М.: Издательский центр РГГУ: 2005. — 656 с.
- 10) *Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.* Стилистика русского языка. — М.: 2008. — 464 с.
- 11) *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог и роман / Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова.— М.: ИГ Прогресс, 2000. - с. 427-457.
- 12) *Кузьмина Н.А.* Интертекст и его роль в процессах поэтического языка.— М.: КомКнига, 2007.— 268 с.
- 13) *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. — 317 с.
- 14) *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста Об искусстве. —СПб., 1998.— С. 14–288.

- 15) *Михайлова Е. В.* Интертекстуальность в научном дискурсе (на материале статей): дисс., к. филол. н.– Волгоград: Изд-во ВГУ, 1999.– 210 с.
- 16) *Москвин В. П.* Интертекстуальность: категориальный аппарат и типология. – Волгоград: Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Выпуск № 6 (81) / 2013.– С. 54-61
- 17) *Новожилова К. Р.* Стилистика повествовательного текста. Теоретические и исторические основы. Учебное пособие.– СПб: изд. СПбГУ. 2007. – 100 с.
- 18) *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова.– М.: Издательство ЛКИ, 2008.– 240 с.
- 19) *Солодуб Ю. П.* Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. 2000. № 2.– С. 51-57.
- 20) *Степанов Ю. С.* Французская стилистика. – М., 1965.– 359 с.
- 21) *Тихомирова Л. С.* Интертекстуальность как предпосылка нового знания в научном тексте – Пермь, Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып., 2009.– С. 19-24
- 22) *Троянская Е.С.* Особенности грамматической синонимии стиля научной речи. НДВШ, Филол. науки, 1969, № 2.– 58 с.
- 23) *Филиппов К. А., С. Св. Волков С. Св.* М. В. Ломоносов и европейский научный дискурс XVIII века. Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, И. К. Готтшед: научный доклад. – СПб.: изд. СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2014. – 60 с.
- 24) *Филиппов К.А.* Лингвистика текста. Курс лекций.– СПб.: изд. СПбГУ, 2003.– 336 с.
- 25) *Чернявская В.Е.* Интерпретация научного текста / В.Е. Чернявская. – 4-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 268 С.
- 26) *Чернявская В.Е.* Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. (Учебное пособие) – М.: Флинта: Наука, 2013.– 208 с.
- 27) *Auer P., Waßler H.* Reden und Schreiben in der Wissenschaft. – Campus Verlag, Frankfurt/Main: 2007. S. 248
- 28) *Broich U.* Formen der Markierung von Intedextualität // Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen, Niemeyer: 1985: S. 31-48
- 29) *Gansel C. und Jürgens F.* Textlinguistik und Textgrammatik: Eine Einführung. Vandenhoeck & Ruprecht: 2007. S. 109-112
- 30) *Geier M.* Die Schrift und die Tradition Studien zur Intertextualität. W. Fink, München: 1985. 122 S.
- 31) *Pfister M.* Konzepte der Intertextualität // Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen, Niemeyer: 1985. S.1-31

32) *Schiewe J.* Zum Wandel des wissenschaftlichen Diskurses. Campus Verlag, Frankfurt/Main: 2007. S. 31-53

33) *Stickel G.* Deutsch als Wissenschaftssprache und Gottfried Wilhelm Leibniz. In: Sprachreport, 99/2, 1999 S. 16-19

34) *Suerbaum U.* Intertextualität und Gattung: Beispielreihen und Hypothesen// Intertextualität. Formen, Funktionen, anglistische Fallstudien. Tübingen, Niemeyer: 1985. S. 58-78

35) *Vater H.* Einführung in die Textlinguistik. W. Fink, Tübingen:1992. 206 S.

Список словарей:

36) Литературный энциклопедический словарь /под ред. общ. ред. Кожевникова В.М., Николаева П.А. – М.: Советская энциклопедия, 1987.– 752 с.

37) *Ожегов С.И.*: Толковый словарь русского языка. – М .: 2006
Оникс

38) *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е.– М.: Просвещение: 1976.– 544 С.

39) Энциклопедия «Литература и язык»/ под ред. А. П. Горкина – М.: Росмэн-Пресс, 2006.– 329 с.

40) Das große Deutsch-Russische Wörterbuch под. Ред. О. И Москальской. – М: Русский язык. Медиа. 2008. – 760 с.

Электронные ресурсы:

41) *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. // Бахтин М.М. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159-206. – URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm. (дата обращения: 29. 11. 15)

42) *Гораций.* Послание к Августу / пер. Н. Гинцбурга.– URL: http://www.russianplanet.ru/filolog/horatius/epistulae/2_01.htm (дата обращения: 15. 04. 16)

43) *Квинтилиан.* Риторические наставления / пер. с лат. члена Императорской Российской Академии А. Никольского – URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1406351156> (дата обращения: 10. 04. 16)

44) Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия. Гл. ред. В. Н. Ярцева. 1990. – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 17. 01. 16)

45) *Москвин В. П.* Аллюзия как фигура интертекста. – Волгоград, Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». №1(28). Январь 2014.– URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 19. 11.15)

- 46) *Фет А. А.* Вечерние огни.– М., Наука, 1981. – URL: http://www.lib.ru/POEEAST/GORACIJ/hor3_1.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 10. 04. 16)
- 47) Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (дата обращения: 08.04.16)
- 48) Duden Online-Wörterbuch. – URL: <http://www.duden.de/> (дата обращения: 14. 12. 15)
- 49) *Goethe J. W.* Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit (Siebentes Buch) . – URL : <http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe,+Johann+Wolfgang/Autobiographisches/Aus+meinem+Leben.+Dichtung+und+Wahrheit/Zweiter+Teil/Siebentes+Buch> (дата обращения: 08.04. 16)
- 50) *Gottsched J. C.* Grundlegung einer deutschen Sprachkunst – URL: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Gottsched,+Johann+Christoph/Theoretische+Schriften/Grundlegung+der+deutschen+Sprachkunst> (дата последнего обращения: 03. 05. 16)